

Н.Н. Месяцев.
Давно пережитое

СОДЕРЖАНИЕ

- Как я стал Председателем
- Первые шаги. Размышления о ТВ
- Коллектив: радости творчества, горечь неудач
- Мой Председатель правительства
- Вожди на «Седьмом небе». На земле - новые дерзания
- Хроника нашей жизни. «Летопись полувека». Памяти павших - «Минута молчания»
- Время откровений. Как меня «ушли»

КАК Я СТАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ

Критическое отношение к Н.С.Хрущеву в партии и государстве начало нарастать с начала 60-х годов, причем усиливаться оно стало в народных массах: сначала в виде «невинных» шуточек, анекдотов, а затем и прямой нелицеприятной критики. И лишь следом оно затронуло кадры Коммунистической партии и Советского государства.

В начале осени 1964 года Николай Романович Миронов, заведующий отделом административных органов ЦК КПСС, с которым у меня установились дружеские отношения, и я отправились как-то утречком по грибы. Жили мы тогда на дачах Управления делами ЦК партии в Усово, что километрах в 35-40 от Москвы по Успенскому шоссе. Барвиха, Усово, Успенка - все это дачные места, разбросанные в еще сохранившихся в те годы лесах вдоль чистых пойменных лугов Москвы-реки. Деревянные, одно- или двухэтажные дачи с небольшими комнатами, горячей и холодной водой сдавались в аренду на одну-две семьи. Особое удобство состояло в том, что можно было ходить с семьей в столовую или брать обеды и ужины на дом (естественно, за соответствующую плату - на сколько наешь, столько и заплатишь).

Шли мы с Николаем Романовичем и вели неторопливый разговор обо всем, что попадалось нам на глаза в то белесое теплое утро. Пересекли Успенское шоссе, усовскую железнодорожную ветку с ее тупиком и по проселку, поднявшись в гору, вошли в лес - весь светящийся белизной берез с уходящей ввысь, подернутой багрянцем листвою. Там внизу, под горой, виднелись дачи, на которых жили Микоян, Хрущев, Кириленко и кто-то еще из членов Политбюро ЦК КПСС. По шоссе сновали автомобили. А здесь, в лесу, было тихо. Мы шли рядом, стреляли глазами по местам, где мог бы сидеть грибок, радовались удаче и снова искали...

Набрав подберезовиков и сыроежек на небольшое жарено, мы прилегли на поляне. Выглянувшее солнышко пригревало, березы отражали свет, и березняк был наполнен неярким осенним светом, вызывавшим отрешенность от обыденности, будничности. На обратном пути Миронов, обняв меня за плечи, сказал: «Среди членов Центрального Комитета партии вызревает мнение о целесообразности в интересах партии, государства, народа смещения Хрущева с занимаемых им постов и замены его другим товарищем. Вряд ли мне надо говорить тебе о причинах, побуждающих к этому. Они тебе известны не хуже, чем мне, и толковали мы о положении дел в стране не раз. Меня интересует, как ты отнесешься к смещению Хрущева». Ответил - «положительно».

- Ты понимаешь, что разговор строго между нами?

- Понимаю. Не беспокойся.

Естественно, сообщение Миронова побудило острее приглядываться к окружающим меня в работе людям и прежде всего - к Юрию Владимировичу Андропову, заведующему отделом Центрального Комитета партии по связям с Коммунистическими и Рабочими партиями социалистических стран, секретарю ЦК (у него я работал в качестве заместителя заведующего отделом), человеку умному, работающему, сложному... Андропову - ни гу-гу. Все шло по-прежнему. С Мироновым к этой теме мы тоже не возвращались. Он молчал, молчал и я. А.Н. Шелепин, зав. торговделом ЦК и В.Е. Семичастный, Председатель КГБ СССР, с которыми у меня были дружеские отношения еще по совместной работе в качестве секретарей Центрального Комитета ВЛКСМ, критиковали Хрущева по тем же позициям, что и многие другие, но о возможности его смещения - ни слова. И лишь дня за три до начала заседания Президиума ЦК КПСС, а затем и Пленума Центрального Комитета партии, на котором

обсуждался вопрос об освобождении Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, Миронов назвал мне предположительную дату созыва Пленума ЦК (14 октября 1964 г.). Затем он сказал: «В главных средствах массовой информации - газетах «Правда», «Известия», Государственном комитете по радиовещанию и телевидению предполагается замена первых лиц. Мне поручено предложить тебе возглавить Госкомитет по радиовещанию и телевидению. У тебя немалый опыт работы с учеными, писателями, артистами, композиторами, словом, с творческой интеллигенцией. Тебя в этих кругах неплохо знают и по-доброму к тебе относятся. Не новичок ты и в журналистике. В такой переломный момент твой авторитет благотворно скажется на атмосфере в Комитете. Думаю, что ты примешь это предложение. Поверь, твоя кандидатура обстоятельно обсуждалась. У руководства ЦК есть уверенность в том, что твой приход в Госкомитет вызовет положительный общественный резонанс».

Предложение было настолько неожиданным, что меня вышибло из кресла. Я встал и внимательно посмотрел на Миронова. Он закивал головой в знак подтверждения сказанного. Я спросил: «Как бы ты поступил на моем месте?» - «Ответил согласием на предложение товарищей из ЦК». - «Кого?» - «Наверное, тех, кто придет на смену Н.С.» - «Кто?» - «Кого изберет Пленум».

Я понял, что дальнейшие вопросы подобного свойства неуместны. «Сколько же времени мне дается на раздумье?» - «Завтра ты дашь ответ мне. Подумай».

Попрощавшись, я вышел от Миронова, поднялся к себе в кабинет. Позвонил Андропову. Дежурный секретарь сказал, что Юрий Владимирович уже уехал домой - время было позднее. На улице барабанил дождь. На душе тоже было слякотно. Никаких эмоций - ни положительных, ни отрицательных. Состояние было такое, как будто то, о чем мне только что поведал Миронов, я уже от кого-то слышал и успел пережить. Нет, это не было состояние равнодушия или безразличия.

Скорее спокойствие, в которое примешивалось ожидание возможного расставания с товарищами по отделу, с которыми я сработался и сдружился, а также с друзьями из братских партий разных стран.

Я имел доступ к уникальной информации, раскрывающей панораму жизни государств, народов, расстановку политических сил в мире, требующей постоянной мыслительной деятельности, анализа процессов, происходящих в интересах Отечества. Короче говоря, работа в отделе приносила мне удовлетворение и радость.

А что ждет впереди, в неизвестно - известном мне по радио- и телепередачам Комитете?! Вопрос о том, справлюсь ли я с предстоящей работой, меня не беспокоил. (За плечами моими стояли фронты Великой Отечественной войны, руководящая работа в комсомоле, в обществе «Знание», на дипломатическом поприще - советника-посланника в Китайской Народной Республике и, наконец, в аппарате ЦК КПСС). Знал, что справлюсь. Пройденное, пережитое, накопленное в жизни давало право именно так думать. А раз так, значит я мог дать утвердительный ответ на предложение товарищей, членов Центрального Комитета партии, не желающих пока сказать, под какими фамилиями они значатся. Почему? Страх. Боязнь тех, кто задумал осуществить объективно назревшее, необходимое смещение Хрущева, возможного срыва задуманного? Или боязнь Миронова (и иже с ним) быть преданным мною? Боязнь предательства с моей стороны вряд ли была довлеющей в данном случае. Ведь те, кто решил предложить мне пойти Председателем в Комитет, безусловно, не сомневались в моей порядочности. И, кроме того, само предложение, высказанное Мироновым, связывало меня с ними взаимной ответственностью в случае неудачной попытки смещения Н.С. Хрущева. Если так, причина сокрытия от меня действующих лиц - в неуверенности, которая имеет место среди некоторых членов ЦК. А потому я обязан своим положительным ответом укрепить членов ЦК в правильности и своевременности вопроса, который выносится на Пленум Центрального Комитета партии, его Президиума. Ведь колебания, страх, когда нет надежды, парализуют человека, группы людей. А в таких случаях нужны бесстрашие и твердая воля. ... Холодный октябрьский дождь продолжал стучать по крышам и железным козырькам за окнами, как бы ставя точки над моими размышлениями.

Наутро я столкнулся с Мироновым в подъезде «большого дома» - так в обиходе называлось здание ЦК на Старой площади. Поднимаясь с ним в лифте, я сказал: «Николай Романович, я согласен. Можешь сообщить об этом людям «в масках» - «Не шути зло. Так требует обстановка» - «Догадываюсь». - «Но ведь мы с тобой не из пугливых». - «Да, из нашего поколения весь страх выбила война». ... В «коридорах» ЦК все шло своим чередом. Помимо других дел я был занят на завершении переговоров А.И.Микояна, Председателя Президиума Верховного Совета СССР с Ю. Цеденбалом,

Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики, с которым мои отношения стали по-товарищески близкими.

Не помню точно, но, наверное, случилось это в день проводов высокого монгольского гостя. (Запомнилось, что мы с А.И.Микояном, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, мчались из-за погодных условий с аэродрома Внуково-2 в аэропорт Домодедово провожать Ю. Цеденбала. Кстати говоря, Микоян и словом не обмолвился о предстоящем смещении Хрущева, хотя и знал об этом доподлинно.) Позвонили из приемной Л.И.Брежнева - тогда секретаря ЦК партии - и попросили зайти к нему. Подумалось: пришел мой черед. Вот тогда, в считанные минуты, пока я надевал пальто, переходил из своего третьего подъезда в первый, поднимался в лифте на секретарский этаж, шел в приемную Брежнева, в голове моей промелькнула почти вся моя жизнь со многими действующими лицами в ней - мгновенно, ярко. Невольные воспоминания прошлого укрепили во мне чувство собственного достоинства. Я уже физически ощущал, что сейчас там, за дверями кабинета, будет открыта новая страница моей жизни.

В кабинете находились: Л.И. Брежнев, сидевший в торце длинного стола заседаний, А.Н. Косыгин - сбоку, поставив ногу на стоявший рядом стул, напротив него - Н.В. Подгорный и рядом с ним П.Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС. Следом за мной в кабинет вошел Л.Ф. Ильичев, секретарь ЦК КПСС.

Было около полуночи 13 октября 1964 года.

После того, как я поздоровался и сел около А.Н. Косыгина, Л.И. Брежнев спросил: «Кто поедет на радио представлять Николая Николаевича коллегии Комитета?» - Подгорный: «Ильичев, это его епархия, там, наверное, его хорошо знают». - Ильичев: «Хрущев может проходить и дальше в радиотелевизионных программах или убрать его из эфира совсем?» - Демичев: «Убрать совсем». - Брежнев: «Да, так будет правильно». Косыгин и Подгорный согласились с этим. - Брежнев: «Коля, желаем тебе успеха. На днях мы встретимся. В случае необходимости звони».

Ильичев и я попрощались с присутствующими и вышли от Брежнева.

Вот и все. Рубикон переилен. Без всяких словопрений и эмоций. Новая страница жизни открыта... Для меня... Для Н.С.Хрущева - книга его большой жизни, судя по поведению и настроению его бывших сподвижников, дописана. Внешне они были спокойны. Что делалось в их сердцах и умах, неизвестно. Я давно уже заметил, что большая политика, как правило, иссушает людей. Редко кто из сильных мира сего сохраняет эмоциональность, а с нею и высокую нравственность. А ведь без нее нельзя быть по-настоящему большим в большой политике.

Вглядимся с позиций нравственности (единственного, по моему убеждению, конечного критерия в оценке политика) в следующих за Н.С. Хрущевым первых лиц - Л.И. Брежнева, К.У. Черненко, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева и некоторых нынешних лидеров, ставших президентами независимых государств, разваленного Союза Советских Социалистических Республик...

А тогда, в октябрьскую ночь, мы с Ильичевым плутали по Замоскворечью и никак не могли проехать к сверкающему всеми огнями громадному дому - Радиокомитету, будто плывущему в окружающей его тьме.

Приехали. В приемной председателя Госкомитета по радиовещанию и телевидению дежурил член Комитета К.С. Кузаков. Ильичев попросил собрать членов Комитета. Часам к двум ночи собралось большинство из них, в том числе и все четыре заместителя Председателя: Э.Н. Мамедов - первый зам.председателя, ответственный за радиовещание на зарубежные страны, А.А. Рапохин - за внутрисоюзное вещание, В.П. Чернышов - за телевидение, Л.С. Максаков - за все хозяйство Комитета. Председателя - М.А. Харламова в Москве не было, он был в заграникомандировке.

Ильичев сообщил собравшимся, что я назначен Председателем Госкомитета. Коротко рассказал обо мне, сказал также, что Харламов будет переведен на другую работу. Не вдаваясь в какие-либо подробности, Ильичев сообщил присутствующим, что Н.С. Хрущев за крупные ошибки будет освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР на Пленуме ЦК. Вопросов не последовало. Он попрощался и уехал.

Членам Комитета я сказал, что если кто-либо придерживается принципиальных позиций, вытекающих из факта освобождения Хрущева, то прошу об этом заявить, чтобы сообща найти разумное решение. Я попросил всех членов Комитета продолжать спокойно работать. Подчеркнул, что никаких

перемещений, перестановок по службе, не обусловленных творческими, производственными задачами, в коллективе Комитета не будет, о чем просил на следующий же день сообщить в руководимых членами Комитета главных редакциях, отделах и службах. Извинился за то, что потревожили, пожелал всем спокойной ночи, а заместителей Председателя попросил задержаться. Я обратился к ним с просьбой способствовать созданию в многотысячном коллективе Комитета спокойной деловой атмосферы. Договорились о том, что они сейчас же просмотрят радиотелевизионные программы на наступающие сутки с тем, чтобы в них не маячило имя Хрущева, а при каких-либо сомнениях по этому поводу просил доложить мне.

Уже под утро позвонил домой. Сообщил, что я на новом месте, в Госкомитете по радиовещанию и телевидению. Просил жену Аллу не беспокоиться, детям пока ничего не говорить; приеду - расскажу.

В некоторых нынешних писаниях распространяются байки о том, что в те же дни здания Комитета на Пятницкой, Шаболовке были оцеплены войсками КГБ, а в их коридорах патрулировали негласные сотрудники госбезопасности. Все это бред! Равно как и измышления академика Арбатова о том, что я искал какую-то кнопку, отключающую вещание. Если бы чекисты «обложили» дом на Пятницкой и другие объекты, я об этом непременно узнал бы от Председателя КГБ СССР Владимира Ефимовича Семичастного, да и товарищи по работе в Комитете могли впоследствии, задним числом, мне об этом поведать. Но оставим подобные побасенки на совести тех, кто сочиняет их, пользуясь коридорными «источниками».

Просмотр содержания программ всех трех видов вещания занял сравнительно немного времени. Стрелки часов медленно двигались к началу рабочего дня. Вместе с Алексеем Архиповичем Рапохиным прошли по коридорам четвертого этажа, осмотрели некоторые радиостудии, аппаратные, зашли в редакцию «Маяка», в службу радиоперехвата зарубежных радиовещательных станций. В ночных программах этих станций не было ничего такого, что говорило бы о смещении Н.С. Хрущева.

Утро, день и вечер 14 октября я был в Комитете, никуда не выходил. Знакомился со структурой Комитета, вникал в текущие вещательные программы, беседовал с заместителями. За весь день ко мне извне не было ни одного телефонного звонка; на мои звонки из тех, кто мог бы дать достоверную информацию о ходе пленума ЦК КПСС, никто не отвечал. Конечно, я понимал, что ожидало меня, останься Н.С. Хрущев на прежних высоких постах. Тюрьма. И не только... Страха не было. Я знал, на что шел. Был уверен в необходимости в интересах Народа, Государства и Партии смещения Хрущева. Замечу, что, узнав, кого избрали вместо Хрущева, я не испытывал удовлетворения. Но историю не повернешь вспять. Выдвижение Брежнева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было, как показало время, крупнейшим политическим просчетом, принесшим беды народу и государству, нанесшим удар по делу социализма. Он прервал преемственность поколений, в которой заложен мощный заряд прогресса. Брежнев, как показало время, боялся молодежи, ее возможных притязаний на лидерство в стране. ... Из окон моего кабинета в Комитете был виден Кремль. Сверкали золотом подсвеченные прожекторами купола, отливали белизной соборы и дворцы, алели звезды на башнях. Все как обычно. Внешне. Но я знал, что там, в одном из залов Большого Кремлевского дворца - так называемом Свердловском зале, а ранее, в царское время, - зале правящего сената заседают члены Центрального Комитета КПСС, партии правящей. Решают судьбу страны, судьбу не одного Хрущева, а именно всей страны. Я верил в коллективную мудрость тогдашнего состава ЦК, в котором было много товарищей из поколения, прошедшего войну.

История цивилизаций, различных обществ с различными социально-политическим строем и государственным устройством, история, в частности, Руси, с момента ее возникновения и до наших времен - думал я, глядя на возвышающийся над городом в этой его центральной части Кремль, свидетельствует, сколь велико воздействие Первого человека на всю жизнь страны, на самое бытие человека. Там, в Кремле, решается дальнейшая, на неизвестное время, история Родины. Там решается и моя судьба.

К ночи 14 октября я перестал кому-либо звонить. Предупредил жену, чтобы не беспокоилась - заночую в Комитете.

Попутру раздался звонок от Брежнева: сказали, что сейчас фельдсвязью высылаются Постановление Политбюро ЦК и решение Президиума Верховного Совета СССР о назначении меня Председателем Государственного Комитета СССР по радиовещанию и телевидению, а к 19 часам я

должен быть у Леонида Ильича - на Старой площади, в Большом доме. Получив эти документы, я попросил начальника управления кадров ознакомить с ними руководящий состав Комитета, а сам после двух бессонных ночей поехал домой.

Вечером у Брежнева собрались Подгорный, Косыгин, Демичев, который на только что окончившемся Пленуме ЦК был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. На него как секретаря ЦК были возложены обязанности руководства отделами пропаганды, культуры и науки ЦК партии с соподчинением члену Политбюро ЦК М.А.Суслову. На Пленуме в состав Политбюро ЦК КПСС был избран Александр Николаевич Шелепин. Помимо меня к Брежневу были также приглашены Владимир Ильич Степаков, заведующий отделом пропаганды ЦК, исполняющий одновременно обязанности главного редактора «Правды», и Лев Николаевич Толкунов, исполнявший обязанности главного редактора газеты «Известия» (А. Аджубей был освобожден от этого поста).

В ходе беседы у Брежнева было решено сформировать пресс-группу при Политбюро ЦК КПСС в составе Демичева (руководитель), Степакова («Правда»), Толкунова («Известия»), Месяцева (Госкомитет радиовещания и телевидения). В пресс-группу стекается вся информация, которая поступает в ЦК по различным каналам, она ею коллективно обрабатывается и так же коллективно вырабатываются основные направления в пропаганде и агитации, коррективы в ее текущем содержании как на страну, так и на зарубежные государства. Было оговорено, что лишь принципиальные вопросы пресс-группа вносит на рассмотрение Политбюро ЦК. Надо заметить, что все присутствовавшие вели себя свободно, раскованно. Брежнев просил не стесняться и в случаях служебной необходимости советоваться с ним и с другими членами Политбюро. ...Многое произошло с тех далеких времен: канули в Лету так называемая «перестройка», ее «архитекторы» и «прорабы» в большинстве своем перевернули свои взгляды и ныне ратуют за капиталистический путь развития, предают анафеме историческую значимость советской социалистической цивилизации, имевшую место на планете Земля.

Однако, вернемся к давно ушедшим в прошлое делам и событиям на радио и телевидении.

ПЕРВЫЕ ШАГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВ

16 октября 1964 года, на третьи сутки после моего появления в Комитете, по договоренности с партийным, профсоюзным и комсомольским комитетами, был собран партийно-хозяйственный актив. Зал заседаний, рассчитанный примерно на пятьсот человек, был переполнен. По просьбе не попавших в зал устроили радиотрансляцию на другие этажи. По своему обычаю пришел минут за десять до начала собрания, дабы составить первое впечатление сразу о многих, в их «массе». Это возможно. Не зазорно. Необходимо, так как помогает быстрее найти желаемый контакт, взаимопонимание, что я хорошо усвоил на собственном опыте. В слове «масса» я действительно не вижу ничего зазорного, если этим понятием не обезличивать людей, ее составляющих. Я рассмотрел зал: овальной формы, уходящий амфитеатром вверх, двухсветный. Наблюдал, как группками (очевидно, из одних и тех же редакций и служб), заполнялся зал людьми: и седовласыми с уже грузными фигурами, и молодыми, с гибкими телами, модными прическами и столичным налетом небрежности в одежде. Но большинство, как мне показалось, были мои ровесники - среднего возраста, видевшие и пережившие в том числе и смены «высокого» начальства. Сидел я сбоку зала и поглядывал. Собравшиеся были настроены живо, даже весело. В зале повисли ожидание, заинтересованность: что нам скажет новый Председатель, чем удивит?! Конечно, удивить я их ничем не мог да и не стремился к этому. Мне предстояло их заинтересовать моим пониманием сущности современного радиотелевизионного вещания, включить их в творческий процесс как равных и ответственных соучастников общего дела, движимых добротой к людям.

Лишь идя от некоего теоретического осмысления того или иного явления (в данном случае - массового вещания), к постановке конкретных, вполне реально осязаемых задач каждым имеющим к тому отношение, можно привлечь к себе внимание в том положении, в котором я выходил первый раз на трибуну, на суд тех, для кого, независимо от возраста и служебного положения, деятельность в массовом вещании - дело жизни.

«Радио - это сумасшедший дом, а телевидение - пожар в сумасшедшем доме», - так говорили, как дошло до меня, старожилы дома на Пятницкой, места деятельности творцов программ Всесоюзного

радио, вещания на зарубежные страны и Шаболовки, где создавалось телевизионное вещание на страну — Центральное телевидение.

В своем выступлении (размышлениях на заданную самим собою тему - о моем видении и сущности массового вещания) я стремился донести до слушающих меня товарищей небольшое число взаимосвязанных идей, понимание которых позволит, как мне думалось, развить в многотысячном коллективе более сильное чувство спайки, взаимопомощи, разжечь профессиональный творческий интерес, а стало быть, и поднять уровень массового вещания. В ходе выступления я подчеркивал, что мои размышления основаны на личном (обычного, рядового слушателя и зрителя) впечатлении о массовом вещании, а не с позиций людей, участвующих в процессе его созидания, что, надеюсь, говорил я, ко мне еще придет. Такое «отделение» себя от присутствующих, как мне показалось, насторожило аудиторию и приковало ко мне ее большее внимание, что мне и было нужно.

Всякое явление, в том числе и массовое вещание, находится в движении; развиваясь или деградируя вместе с обществом, в котором оно функционирует и с которым строит свои взаимоотношения: радио - с массовым слушателем, телевидение - с массовым зрителем. В ходе этого движения полезно остановиться и основательно проанализировать, какой приобретенный опыт полезен, а какой надо, быть может, и отбросить; определиться в творческой преемственности.

Сейчас, говорил я, как мне кажется, именно тот момент, когда есть возможность провести подобный анализ в плане преемственности: что брать с собой дальше из приобретенного массовым вещанием опыта и наработанных традиций, а что отсеять, как наносное, чуждое, неприемлемое. В связи с идеей преемственности я остановился на причинах освобождения Н.С.Хрущева от занимаемых им партийных и государственных постов и на известном скатывании радио и телевидения к прославлению одной персоны, загораживающей собой все остальное, отходах от курса XX съезда КПСС. Я подчеркивал, что в условиях социализма право на культ имеют лишь труд, человек труда. Именно такой подход будет способствовать дальнейшей демократизации массового вещания, а тем самым - его благотворному воздействию на все процессы демократизации жизни советского общества (на что у меня были большие надежды после октябрьского, 1964 г., Пленума ЦК КПСС).

Естественно, что преодоление культа личности Сталина, субъективизма Хрущева, развитие демократизма диктуют необходимость еще большего поворота массового вещания к Человеку - не выдуманному, а реальному, со всеми его радостями и горестями, слабыми и сильными сторонами. Лишь в этом случае мы сможем полнее выразить общественное мнение и воздействовать на его формирование.

Далее я развивал идею о том, что постоянное соотношение радио и телевидения во всех их составных частях с социально-политическими, идейно-нравственными процессами, происходящими в стране, непременно будет благотворно сказываться на содержании вещания, его актуализации, связи с жизнью, без чего передачи могут стать пережевыванием одного и того же.

Конечно, говорил я, свободное выражение общественного мнения предполагает свободу творчества каждого. Для меня несомненно, что ищущий, творец имеет право на творческую ошибку. Творить, не ошибаясь, невозможно. Осознание ошибки будет в свою очередь способствовать нравственной зрелости каждого сотрудника и коллектива Комитета в целом. Демократизация творческого процесса, всей внутренней жизни окажет благотворное влияние на реализацию заложенных в самой природе радио и телевидения коммуникативности, художественно-эстетических, воспитательных функций.

Аудитория слушала меня внимательно, что можно ощутить, почувствовать, как говорится, кончиками пальцев, и я решил спросить: «Представляет ли для вас, товарищи, интерес то, о чем я говорю?» Была пауза, необходимая, наверное, для того, чтобы набрать в легкие воздуха и на одном дыхании ответить «Да!». Затем все дружно рассмеялись. Я продолжал говорить о необходимости разворота строительства Общесоюзного телевизионного центра в Останкино, о модернизации технической базы радиовещания, о подготовке кадров массового вещания. Закончил тем, что попросил помощи и поддержки в работе. Поручил своим заместителям, главным редакторам, руководителям служб Комитета подумать и подготовить творческие заявки на новые передачи, циклы, виды и формы подачи информации, создание новых телепрограмм и т.д.

После меня говорили многие. По-разному: страстно и нудно, серьезно и в шутку. Главное -

искренне и обо всем: у кого что наболело и накипело. По делу. Я многое узнал. Глубже понял, что и как делать. Коллектив - умный. Значит, дела пойдут - решил я.

В Комитете я проработал без малого шесть лет. За эти годы многое увидел, многое познал. Были и взлеты духа, и его тяжелое падение. Но Председатель Комитета, руководитель такого большого и сложного коллектива, в котором трудились только в Москве более тридцати тысяч человек - журналистов, артистов, музыкальных режиссеров и редакторов, инженеров, техников, строителей и т.д. и т.п., обязан был всегда, как говорится, при любой погоде, быть ровным, в хорошем настроении, «излучающим» бодрость. Иногда приходилось играть нелегкую роль оптимиста, хотя на душе кошки скребли... И все-таки, при всем при том, общее ощущение от работы в Комитете - отпечаток на сердце, оставшийся на всю жизнь - запечатлевшиеся в памяти, словно кадры длинной-длинной хроникально-документальной ленты, факты, события, явления - все они сплелись в памяти в одно чувство - радости от доброты людей к тебе и твоей нужности людям, в чувство гордости за совершенное вместе с коллективами работников радио и телевидения в Москве, в союзных республиках, краях, областях страны. Я не могу передать словами чувство, которое испытывал от того, что каждый день мы, работники массового вещания, входим, как близкие друзья, в каждую советскую семью, что голос Москвы - наш голос - звучит в далеких странах всех пяти континентов Земли. Приедешь в командировку в ночной полярный Мурманск или теплый Ташкент и слышишь знакомый тебе голос Юрия Левитана; сидишь в заснеженной подмосковной деревушке Студенцы или далеком Хабаровске и смотришь по телевидению, как твой коллега Юрий Фокин ведет «Эстафету новостей», а Николай Бирюков - программу «Время»; идешь по эвенкийской тундре или нежишься в водах Каспия - повсюду до тебя доходят позывные «Маяка». А это значит, что твои коллеги творят нужное людям дело, работа идет... Радио и телевидение помогали людям ощущать себя частицей большой многонациональной советской семьи.

Одним из первых моих практических действий явилась разработка на Всесоюзном радио, Иновещании (вещании в зарубежные страны), на Центральном телевидении концепций вещания. Это позволило сформулировать характеристики Первой, Второй («Маяк»), Третьей, Четвертой, Пятой программ, программы для Москвы и Московской области, входящих в систему Всесоюзного радио с общим объемом вещания около 130 часов в сутки, охватывающую практически всю территорию Советского Союза. Разработка концепции Центрального телевидения потребовала больших усилий, так как выстраивалась априори с расчетом на то, что ввод в строй Общесоюзного телевизионного центра в Останкино создает также возможность для формирования в стране многопрограммного телевизионного вещания, что и было вскоре осуществлено. Концепцией было предусмотрено, что создается четыре программы, а также программа для Москвы и программа для Московской области. Общий объем вещания первоначально - 50 часов в сутки с последующим его увеличением и быстрым ростом числа телезрителей на всей территории страны. И все это посредством строительства телевизионных студий в республиках и областях, радиорелейных линий, ретрансляторов, подачи телевизионных программ с помощью искусственных спутников связи «Молния» и системы «Орбита», которые уже тогда, по нашему настоянию, при поддержке А.Н.Косыгина ставились в серийное производство.

Вещательные концепции несли в себе организующее начало. За ним шла повседневная, нередко изнурительная, работа по созданию передач, радующих зрителя, слушателя. Еще в те годы, когда формировались концепции радио- и телевизионного вещания, и прежде всего - их содержательная сторона, в Комитете были созданы соответствующие службы для серьезных социологических исследований в целях корректировки радиотелевизионных программ в интересах рабочих, крестьян, интеллигенции, детей, подростков, молодежи, людей разных национальностей, любящих театр, эстраду, классическую музыку, кино, народное творчество, спорт, информацию, политико-экономическую, философскую тематику и т.д. и т.п., словом, для удовлетворения разнообразных запросов и интересов человека.

В содержательной части наших радиотелевизионных вещательных концепций совершенно определенно закладывалась воспитательная функция массового вещания на базе материалистического, марксистско-ленинского мировоззрения, исторического прошлого народов нашей страны, революционных, боевых и трудовых традиций советского народа. Человек пока еще не придумал более мощного средства формирования общественного мнения, мировоззренческих позиций, чем телевидение

и радио. Посредством манипулирования ими можно или обогащать духовный мир человека, или обкрадывать его.

Возвращая память свою ко второй половине 60-х годов, я могу с чистой совестью говорить о том, что при всех недостатках массового вещания в те годы (а их было немало) оно, массовое вещание, возвышало человека, способствовало росту его знаний, повышению культурного уровня, выработке художественно-эстетических вкусов, умению разбираться в вопросах политики, экономики, в разных жизненных ситуациях. Я подчеркиваю, в те годы - во второй половине 60-х.

Поколение, прошедшее Великую Отечественную войну, оказывало мощное воздействие на средства массовой информации как значительным числом в составе их сотрудников, так и воздействием творческой, научно-технической интеллигенции, рабочих, крестьян, участвующих в радиотелевизионных программах и передачах. Диапазон передач и программ общественно-политического и художественного вещания был настолько широк, что я затрудняюсь даже примерно его очертить в этих коротких заметках. Но все-таки попробую сделать это на конкретных примерах. Возьмем литературно-драматические передачи на Всесоюзном радио и Центральном телевидении.

На Всесоюзном радио, в главной редакции литературно-драматического вещания (главный редактор К.С. Кузаков), в отделах советской литературы, публицистики и массовой работы со слушателями, русской и зарубежной классики, радиотеатра и искусства шли передачи по следующим основным рубрикам: «Писатели у микрофона», «Литературные чтения», «По страницам новых книг», «Литературные вечера», «Из фондов радио», «Литература и искусство за рубежом», «В мире слов», «Час юмористического рассказа», «Поэтическая тетрадь», «Поэты читают стихи», «Театр у микрофона», «Радиотеатр», «Сокровища советского театра», «Творческие портреты мастеров искусств», в то же время на Центральном телевидении его Главная редакция литературно-драматических программ (главный редактор - Н.П. Карцов) в своих отделах - телевизионных спектаклей, классики и занимательных передач, литературы, изобразительного искусства, театральных передач - готовила в эфир следующие основные рубрики: телевизионные спектакли театральных спектакли, «Театральные встречи», «Мастера искусств», «У театральной афиши», «Кабачок 13 стульев», «Литературные беседы», «Страницы творчества советских писателей», «Литературные чтения», «Рассказы о художниках», «По музеям и выставочным залам». Нетрудно заметить, сколь широк диапазон только этих передач.

Телевидение и радио, словно магнит, притягивали к себе миллионы и миллионы людей, знакомя их с сокровищами мировой науки, культуры и искусства, с событиями в жизни Отечества и зарубежных государств. Телевидение и радио как добрый наставник входили в дом, «сея разумное доброе, вечное». Какие могучие умы и великие таланты становились собеседниками каждого из нас - смотрящих и слушающих! Сколько радости, слез, тревог, оптимизма несли нам маленький голубой экран или радиоточка, заставляя сопереживать вместе с героями кинофильмов, героями романов, повестей, устных рассказов, воспоминаний живых героев тех дней, событий современности, сотрясающих душу, возвеличивающих человеческий разум, веру в прекрасное! Вглядываясь в происходящее на экране или вслушиваясь в творимое в радиостудий, мы все вместе и каждый из нас становились лучше - так верилось мне в бытность Председателем этого Великого производства, называемого массовым вещанием. И в этом был главный завод пружины каждодневной работы. Работы на износ...

Мне повезло, что судьба подарила работу в Госкомитете по радиовещанию и телевидению. Посчастливилось потому, что я получил возможность в известной мере реализовывать свои идеи, свою внутреннюю сущность на почве массового вещания, возглавляя целую государственную отрасль, причем такую, которая оказывала мощное воздействие на все советское общество. Конечно, эта реализация была неполной, урезанной по разным объективным и субъективным причинам. И все-таки она состоялась. Судьба была благосклонна ко мне и в том, что на телевидении и радио получили продолжение старые, еще со времен работы в ЦК комсомола, дружеские отношения, связи с партийными и государственными работниками, рабочими, крестьянами, контакты со многими деятелями культуры, а также учеными по обществу «Знание» и, конечно, установились новые. А сколько прошло «сквозь» меня людей других профессий! Как бы мимоходом, но оставляя во мне частицу своего «я», обогащая меня, углубляя стремление быть нужным людям. Уверен, что каждый человек каждый день должен приносить людям добро. Пусть самое маленькое, крохотное, но добро.

КОЛЛЕКТИВ: РАДОСТИ ТВОРЧЕСТВА, ГОРЕЧЬ НЕУДАЧ

Так что же мне все-таки удалось свершить в массовом вещании страны - Союза Советских Социалистических Республик - вместе со всеми товарищами по работе? Со всеми именно! Один в поле не воин. Мне очень хотелось бы назвать многих, многих стоявших рядом плечом к плечу - и командиров радиотелевещания и рядовых. Но это невозможно в коротких моих заметках. Назову лишь ушедших уже в мир иной - Леонида Максакова, Георгия Иванова... Царствие им небесное.

Перелистаем страницы календарей год за годом - конец 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, начало 1970 - и задержимся на тех листках, которые отмечены чем-то новым, значительным в массовом вещании.

Таким первым листком явился мой первый выход на заседание Совета Министров СССР с защитой бюджета Госкомитета на 1965 год. Вел заседание Председатель Совмина Алексей Николаевич Косыгин. Состав Совета Министров, за некоторым исключением, мне был мало знаком. Да и с Алексеем Николаевичем ни разу до того не приходилось встречаться по какому-либо конкретному государственному делу.

Позвонил управляющему делами Совмина В. Смиртюкову, попросил у него совета. «Подготовься тщательно, никаких писанных речей, короткие тезисы на четвертушках машинописного листа, а все остальное - по памяти», - был его ответ. Я так и поступил. (В то время годовой бюджет Госкомитета был большой, примерно на уровне годового бюджета некоторых союзных республик.)

Пришел в зал заседаний Совмина: уютный, с высокими потолками и такими же окнами; ничего лишнего - стол председателя с примыкавшим к нему длинным столом для его замов и ряды стульев для министров, председателей госкомитетов и приглашенных. Рядом со столом Председателя - небольшая трибуна для выступающих.

Сидел, слушал министров, защищающих бюджеты своих отраслей, обдумывал вопросы, которые задавал им А.Н. Косыгин. «Да, дело он знает», - думал я. Пришел мой черед, начал говорить. Слежу за реакцией Председателя и зала. Слушают внимательно - радио и телевидение всех касается. «Вдохновенный» всеобщим вниманием, скатываюсь к «картинкам» жизни и быта радиовещания и телевидения.

А.Н. Косыгин, прервав меня, говорит: «Товарищ Месяцев, короче - это вам не радио и телевидение». Все смеются. Я - Косыгину: «Неплохо Вы, Алексей Николаевич, меня поддеклешили». Все хохочут.

Бюджет принят. И хороший, учитывающий перспективу. Можно спокойно вести дело по дальнейшему развитию и совершенствованию массового вещания.

После этого, первого радостного для меня, листка в календаре пошли чередой другие...

15 ноября мы выпустили в эфир радиостанцию «Мир и прогресс», учредителями которой стали советские общественные организации. Они знакомили зарубежных слушателей с общественной, экономической, культурной жизнью в СССР, а также с точкой зрения советской общественности на важнейшие события внутренней и международной жизни, которая могла и не совпадать с государственной, что, само по себе, явилось несомненным шагом вперед на пути демократизации радиовещания.

13 января 1965 года по радиопрограмме «Маяк» прошла первая передача «Найти человека», посвященная поиску родных, разлученных войной. Вела передачу наша известная детская писательница Агния Барто. Почта на передачу, несмотря на то, что с момента окончания Великой Отечественной войны прошло около двадцати лет, была огромной. Порой не выдерживало сердце Агнии Львовны - пожилого и очень восприимчивого к чужому горю человека - приходила она ко мне в кабинет и читала письма благодарности от тех, кто нашел мать, отца, брата, сестру, дочь или сына, и плакала с тихой радостью...

18 февраля того же года Центральное телевидение впервые начало показ первого отечественного многосерийного телефильма «Вызываем огонь на себя», поставленного режиссером С.Н.Колосовым на созданной по нашей инициативе на «Мосфильме» студии телевизионных фильмов. Как-то в конце восьмидесятых годов на подмостках останкинского телетеатра на встрече с телезрителями выступал С.Н.Колосов. Слушал я его и думал: «Куда же подевалась его элементарная порядочность?» Он, не жалея красок, «растудыкивал», как чиновники от телевидения мешали ему работать, ставили палки в

колеса его творческого процесса и т.п. Он попросту наговаривал, не приводя к тому же ни одного заслуживающего внимания факта. И не мог сделать этого. Ибо в действительности все было наоборот. «Чиновники» от телевидения не могли не помогать С.Колосову, ибо он первый пошел на создание телевизионного сериала, отсутствие которого на малом экране ощущалось. Это, как говорится, объективная сторона дела. А субъективная сторона состояла в том, что Председатель комитета верил в способности молодого тогда С.Колосова и не ошибся. Гостелерадио щедро финансировало все последующие работы режиссера Колосова с непременно участием в каждой из них его супруги - превосходной актрисы Людмилы Касаткиной. Но это к слову.

Новый телевизионный альманах «Подвиг» впервые появился на экранах телевизоров 2 марта 1965 года. Вел его писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Он рассказывал о памятных событиях войны, бывших фронтовиках и партизанах, об отдельных родах войск, о красных следопытах, идущих в походы по дорогам войны, по городам-героям. Потом начались передачи С.Смирнова о трудовом героизме - «Поиск».

Эта многолетняя работа Сергея Сергеевича Смирнова стала общественным явлением. Страна ждала его выступлений. Своими рассказами о войне, заступничеством о нуждающихся, защитой от незаслуженных обид или забвения, гимном отважным, Сергей Смирнов врывается в атмосферу равнодушия, приспособленчества, карьеризма, которая кое-где давала себя знать, будил общественную активность. Почта на передачу шла огромная. Была создана специальная группа редакторов в помощь С.Смирнову. Большую работу, помимо другой, вместе со Смирновым проводили Николай Карцов, главный редактор литературно-драматического вещания ЦТ и обозреватель Юрий Гальперин - два самоотверженных талантливых, под стать Сергею Сергеевичу, человека. Мы старались организовать работу с почтой, поступающей на передачу «Подвиг» - «Поиск», таким образом, чтобы немедленно, через соответствующие партийные, государственные, общественные организации добиваться положительной реакции на просьбу о помощи, в защиту справедливости. Мы исходили из того, что именно таким образом наше массовое вещание проявляет свою демократическую сущность.

Альманах «Подвиг» шел в эфир, а за его кулисами шли настоящие сражения между Гостелерадио (Месяцевым) и Главным Политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского флота (Епишевым). Из Управления шли обвинения в том, что С.Смирнов, рассказывая о героизме наших солдат и офицеров, попавших в немецко-фашистский плен, тем самым обеляет сдачу в плен как явление, а я (Гостелерадио) предоставляю ему - Смирнову - эфир для распространения такого рода вредных суждений. Епишев требовал «прикрыть» или «изменить» характер выступлений Смирнова по Центральному телевидению. В данном случае я нашел поддержку у Л.И.Брежнева и, как говорится, вопрос был закрыт. На Брежнева подействовал мой довод, что выступления Сергея Смирнова имеют широчайшую народную поддержку со всеми вытекающими отсюда последствиями политического и нравственного свойства.

Сергей Смирнов внешне не приковывал к себе внимания. В московской толпе его, пожалуй, и выделить было невозможно. Как все, как большинство из нас. Но близкое с ним знакомство, тем более при взаимном дружеском расположении да еще в различных ситуациях, раскрывало его недюжинную натуру. Он обладал большой работоспособностью, умел совмещать литературную деятельность со всякого рода общественными поручениями, лишь бы они - говаривал он - имели толк. Но главное свойство его души - это отклик на человеческую боль, неприятие несправедливости по отношению к другим, стремительное выступление в защиту того, чьи права попорчены. Думается, что творчество Сергея Смирнова на радио и телевидении порождено именно борьбой за справедливость тех, кого забыло или обидело государство. Не Родина. А именно государственная власть. Его «Брестская крепость» - гимн красноармейцам и командирам, поднятым из беспамятства власти на высокий пьедестал признательности Отчизны. Как член Комитета по Ленинским и Государственным премиям я, вместе с другими, с чувством глубокого удовлетворения проголосовал за присуждение Сергею Сергеевичу Смирнову Ленинской премии в области литературы за его «Брестскую крепость».

Строительство Общесоюзного телецентра шло полным ходом. Уже были видны его контуры, поднявшиеся в высоту стены. Все сильнее упиралась в небо и телевизионная башня, создаваемая по проекту инженера Н.В.Никитина. Более 600 заводов участвовало в строительстве телекомплекса в Останкино. В целях ускорения ввода его в эксплуатацию нами было решено: одновременно со

строительством начать разработку и производство радиотелевизионной аппаратуры, ее установку, опробование и т.п., естественно, не в ущерб качественной стороне дела. Для освоения и работы на Общесоюзном телецентре нужны были кадры самых различных профессий. Нами были открыты курсы подготовки тележурналистов, телеоператоров, видеоинженеров, осветителей и т.д. в арендуемой у Моссовета обычной средней школе, недалеко от телецентра на Шаболовке. В ходе бесед с Алексеем Николаевичем Косыгиным было получено добро на строительство трех больших жилых домов по проспекту Мира, недалеко от Останкинского телецентра. Это была большая победа. Впервые Комитет строил для своих сотрудников жилье. Но и это не все. По договоренности с Моссоветом было решено создать кооперативное жилищное товарищество и с его помощью построить еще несколько жилых домов. По нашим расчетам осуществление плана жилищного строительства должно было снять в коллективе остроту жилищной проблемы, что и имело место к концу 1969 года.

Немало усилий было приложено и к тому, чтобы превратить столовую на Пятницкой улице - в основном здании Комитета - в образцовый, именно образцовый, пищеблок. И это было осуществлено: качество приготовляемых блюд было на уровне первоклассных московских ресторанов при дешевой стоимости. На некоторых этажах были красиво оформлены буфеты; в определенное время развозились по этажам кофе, чай, молоко, булочки, бутерброды, пирожные и прочая еда. Столовая не только перешла на самокупаемость, но и стала приносить немалую прибыль, которая по решению коллектива Комитета шла на повышение качества питания. Я с удовольствием принимал самых высокопоставленных гостей из-за рубежа в общем зале столовой, на виду у всех, потчюя их теми блюдами, которые обозначались в меню на данный день.

Естественно, все видимые и ощущаемые сдвиги в работе Комитета вызывали в коллективе прилив энергии, деловитости, творческого вклада в подготовку радиотелевизионных программ, критического отношения к результатам своего труда. Меня как Председателя радовало растущее в коллективе чувство уважения друг к другу, доверительности, товарищества, этического поведения в стенах Комитета, иначе говоря, тех элементов, без которых нет духа открытости. Конечно, в целях демократизации коллектива приходилось прибегать и к мерам, выходящим за рамки привычных, накатанных форм и методов государственной практики. Так, например, я установил ежеквартальные вечера - встречи с работниками Комитета, встречи без заранее обозначенной повестки, на которых я и мои заместители отвечали на вопросы, рассматривали жалобы, претензии к руководству - в общем, занимался тем, из чего складывалась повседневная будничная жизнь работающего коллектива. Надо заметить, что эти встречи и, несомненно, партийные, профсоюзные, комсомольские собрания, на которых шел откровенный, нередко нелюбимый разговор, способствовали преодолению чиновничества в отношениях между людьми, а их - к делу, развивали в каждом из нас чувство взаимоуважения. На собрания выносились крупные проблемы развития массового вещания в стране, обсуждение которых давало пищу для раздумий, нахождения правильных решений. Постепенно в коллективе преодолевались, исчезали недостатки, мимо которых я не мог проходить.

...Как-то в начале моей работы в Комитете женщины-уборщицы в беседе со мной пожаловались, что из рабочих помещений приходится выносить большое количество пустой посуды из-под спиртного, особенно после ночной смены. «А сколько?» - «Пойдемте вниз, во двор и там увидите «улов» за прошедшую ночь». Пошел. Увидел. О, ужас! Порожними бутылками можно было загрузить грузовой автомобиль. Отдал распоряжение: всех сотрудников, свободных от эфира, пригласить в конференц-зал. Собрались. Предлагаю собравшимся избрать пятнадцать человек и поручить им спуститься во внутренний двор здания Комитета, посмотреть на то, что им покажут уборщицы, выслушать их, а затем подняться в зал и рассказать обо всем увиденном собравшимся. Присутствующие насторожились. В чем дело? Что произошло? Сидим. Молчим. Минут через десять делегированные появились и рассказали об увиденных горах пустых бутылок, собранных в помещениях Комитета. Я сказал, что подпишу приказ об увольнении с работы каждого, независимо ни от каких заслуг, стажа работы и пр., кто будет замечен в распитии спиртного в служебных помещениях. Приказ возымел действие.

В главных редакциях и отделах Комитета, его коллегии шла напряженная работа по уточнению концепции отечественного массового вещания. Ее рабочая основа была отработана и получала воплощение в практической работе. Надо подчеркнуть, что четырехпрограммное вещание по Центральному телевидению плюс программы передач для Москвы и Московской области с

целесообразной, научно-выверенной вещательной сеткой, разработанное тогда, действовало в основном до недавнего времени, в течение почти четверти века. Сохранилось также и пятипрограммное вещание Всесоюзного радио, радиовещания для Москвы и Московской области с небольшой подвижкой вещательного времени. Что касается вещания Московского радио на зарубежные страны и радиостанции «Мир и прогресс», то оно шло согласно нашей концепции по линии увеличения числа языков вещания, широкого диапазона мнений общественности по вопросам внутренней и международной жизни СССР, других стран и регионов планеты, при неизменной заботе о содержательной стороне каждой передачи.

В качестве подтверждения сказанного о последовательном воплощении в практику разработанной концепции вещания могло бы послужить создание на Центральном телевидении в марте 1965 года учебно-образовательной программы. Ее учредителями явились Госкомитет по радиовещанию и телевидению, Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Всесоюзное общество «Знание». Мы придавали воистину превеликое значение этой программе как могучему, притом демократическому, просвещению широчайших масс населения страны. Ставилась задача помочь людям разных возрастов и образовательной подготовки стать на уровень современных достижений науки, техники, культуры. В самом деле, что может быть благороднее и демократичнее этой цели?! И это не красивые словеса. Ведь речь шла о подъеме интеллектуального уровня народа огромной многонациональной страны в условиях разворачивающейся научно-технической революции.

Не вдаваясь в анализ сегодняшнего радио- и особенно - телевизионного вещания (это не входит в рамки моих заметок), я с душевной тревогой и болью слышу и вижу, как изо дня в день в эфир проходят телерадиопередачи, которые размывают в душах людей те нравственные устои, которые формируют Человека как личность. Причем, главный удар вещания направлен на распад человеческой души, на слом в ней извечных культурных норм и запретов. Конечно, распада еще нет - не так просто совладать с нашим народом, есть определенный надлом.

В апреле того же, 1965, года с помощью спутника связи «Молния-1» впервые из Москвы жителям Дальнего Востока были показаны первомайский парад и демонстрация трудящихся на Красной площади. А в ноябре проведена экспериментальная передача из Москвы в Париж с помощью того же спутника.

Усилия коллективов Центрального телевидения, Всесоюзного радио, вещания на зарубежные страны, комитетов радиовещания и телевидения в союзных республиках, областях и краях, материальная база которых тоже или модернизировалась, или создавалась заново, были сосредоточены на содержательной стороне вещания - на идейно-художественном уровне всех видов программ и передач.

В общий поток новых передач вливалось творчество работников вещания Украины, Белоруссии, Узбекистана, Грузии, Армении – всех союзных республик страны, многих областей и краев Российской Федерации.

Телевидение и радио все более громко заявляли о себе как о мощном средстве сближения народов нашей страны, взаимообогащения их культур, побуждающем к развитию национального самосознания и дружбы народов.

Можно было бы месяц за месяцем, год за годом перечислять то новое, что появлялось в массовом вещании. Но, наверняка, такое перечисление может наскучить читателю. И потому я попытаюсь выделить в многочисленном ряду те сюжеты, в которых содержится нечто такое, на чем можно было акцентировать особое внимание и что вспоминается с чувством удовлетворения. О бедах прошлого, свалившихся на голову (а без них в большом деле не обойтись), я еще скажу.

Осмысливая опыт, накопленный массовым вещанием за прошлые годы, и опираясь на практику собственной деятельности, я понимал, что сила радио и телевидения состоит в умении привлечь, втянуть в свою орбиту выдающихся деятелей культуры, ученых, по-государственному мыслящих рабочих и крестьян, увлечь целые театральные коллективы, киностудии, профессиональные оркестры и, конечно, самодеятельные таланты. На это я не жалел ни сил, ни времени. 9 октября 1965 года вышла в эфир новая рубрика ЦТ «На улице Неждановой» - передача из Всесоюзного Дома композиторов в Москве. Музыкальные вечера, которые транслировались оттуда, знакомили телезрителей с современной

симфонической, камерной и эстрадной музыкой, с песнями и романсами, с творчеством композиторов союзных республик, краев и областей РСФСР.

По старой, еще с комсомольских времен, традиции я часто бывал на заседаниях секретариата Союза композиторов СССР, на которых обычно председательствовал Тихон Николаевич Хренников, много сделавший для популяризации классической и современной музыки на радио и телевидении вместе с другими композиторами, помогавший ставить заслон проникновению в эфир различного рода музыкальных подделок, а то и просто пошлятины. Подлинными музыкальными праздниками были творческие вечера композиторов в Колонном зале дома Союзов в Москве: Д.Шостаковича, Г.Свиридова, А.Пахмутовой, М.Блантера, Н.Богословского, В.Мурадели, А.Новикова, А.Островского, Я.Френкеля и других не менее известных в народе композиторов. Эти вечера рождали новых исполнителей советской песни. А какой популярностью у зрителей пользовался «Голубой огонек», в котором принимали участие выдающиеся мастера искусств и крупнейшие музыкальные коллективы страны! Почти со всеми из названных выше композиторов у меня были добрые отношения. В Комитете по Ленинским и государственным премиям я участвовал, помимо пленарных его заседаний, в работе секции музыки, которую возглавлял Д.Шостакович. Там я близко узнал Г.Свиридова. Конечно, и для Шостаковича, и для Свиридова, и для Хренникова, да и для других членов комиссии этого Комитета, характерна была искренняя поддержка подлинных талантов в отечественной музыке. Георгий Свиридов нередко с увлечением рассказывал о новых для себя открытиях среди творческой молодежи, самодеятельных исполнителей.

Для меня было несомненным, что радио и телевидение призваны быть своеобразным «решетом», через программы которого «просеиваются» люди, увлеченные искусством, достигающие в нем больших творческих успехов, и которым, при их желании, надо помочь получить специальное художественное образование и влиться в ряды профессиональных исполнителей. Таким «решетом» была призвана стать созданная на ЦТ Главная редакция народного творчества. Возглавила ее умный человек Кира Вениаминовна Анненкова. Ни один театральный или клубный зал не может сравниться по величине со зрительным залом передач, шедших под лозунгом «Народное творчество», да к тому же – с неизменно высоким исполнительским мастерством солистов и коллективов, принимавших в них участие. Сказанное объективно выражает одну из качественных сторон средств массового вещания. Но лишь одну.

Сущность массового вещания в его многомерности, функциональном разнообразии. Оно - информатор и в то же время - толкователь происходящих окрест и в целом в мире событий, явлений, тенденций, закономерностей. Оно - поставщик на дом, в семью разнообразной художественной продукции (творчества), желательного наилучшего качества и вместе с тем - воспитатель, формирующий или оттачивающий различные грани нравственных позиций человека, его художественно-эстетических привязанностей. Радио и телевидение - сеятели знаний и одновременно - рычаг подъема социальной активности народа в различных сферах общественной практики.

Для меня было несомненным и то, что к середине 60-х годов отечественное радиовещание и телевидение достигли такого уровня, когда требовалось научное осмысление перспектив их дальнейшей роли в советском обществе. Определять их развитие по личному или коллективному наитию было бы, мягко говоря, ребячеством, а на поверку могло бы повести не только к растрате огромных материальных ресурсов, но и нравственному ущербу всему обществу. С помощью массового вещания можно духовно растлить людей, поссорить между собою поколения, посеять национальную вражду, разбередить в душах низменные инстинкты - зло, грубость, насилие, жестокость, преступность.

Эти и подобные им мысли все чаще и чаще навещали меня. Я их не скрывал. Делился ими со своими заместителями, главными редакторами, затевал разговор на различного рода собраниях. В итоге было решено: во-первых, создать в Комитете научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований эффективности радио и телевидения среди различных категорий слушателей и зрителей. Во-вторых, усилить аналитическую сторону в работе отделов писем Всесоюзного радио, вещания на зарубежные страны, Центрального телевидения, а также всех главных редакций и служб Комитета. В-третьих, повести работу в направлении постепенного превращения курсов подготовки и переподготовки кадров во Всесоюзный институт радио и телевидения. В-четвертых, ввести в практику проведение совместно с другими учреждениями научных конференций по актуальным проблемам массового

вещания. В-пятых, решить вопрос о создании в Академии общественных наук при ЦК КПСС аспирантской группы на кафедре журналистики и расширить контингент студентов, специализирующихся на факультете журналистики МГУ в области радио и телевидения.

Реализация этих замыслов была поставлена на практическую основу. Уже летом 1966 года нами в Москве было проведено первое Всесоюзное совещание по вопросам социологии радиовещания и телевидения, в котором приняли участие социологи и психологи институтов Академии наук СССР, ее Сибирского отделения, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Московского и Ленинградского университетов. С выводами и предложениями ученых были ознакомлены сотрудники телевидения и радио, что дало им пищу для осмысления собственной практики, ее корректировки.

Постоянный внешний критический анализ и внутренний самоанализ содержания передач необходимы во всех видах вещания - будь то информация, общественно-политическое или художественное вещание, естественно, при непререкаемом учете мнения зрителя и слушателя.

К этому обязывали и принятые XXIII съездом КПСС Директивы по пятилетнему плану развития на 1966-1970 годы. В них по нашему предложению указывалось на необходимость расширить сеть радиовещательных и телевизионных станций посредством использования искусственных спутников Земли, развивать сеть телевизионного вещания (в том числе и цветного). Отмечалась важная роль радио и ТВ в сближении культурных уровней населения города и села, а также различных районов страны. Замечу, что на XXIII съезде КПСС (29 марта - 8 апреля 1966 г.) я был избран кандидатом в члены ЦК КПСС; 12 июля того же, 1966, года был избран депутатом Верховного Совета Союза ССР (Совета национальностей от Термезского избирательного округа № 111 Узбекской ССР). Вхождение в состав высших партийных (ЦК КПСС), государственных (Верховный Совет СССР, Правительство Союза ССР) органов, несомненно, позволяло мне добиваться большей результативности в решении различных вопросов массового вещания. И действительно оно набирало силу как по охвату населения, так и по все большему разнообразию радиотелевизионных передач. Думаю, что и 1967 год в этом смысле показателен - удалось многое из задуманного свершить.

Если на радио и телевидении год 1965 был освящен Великим Подвигом советского многонационального народа в Отечественной войне 1941-1945 г. г., яркие всполохи которого продолжали будить творческую мысль создателей телевизионных и радиопрограмм, воспевать героизм, мужество, доблесть солдат, офицеров, генералов, маршалов (в их числе и моего поколения), то год 1967 в массовом вещании стал годом эпической поэмы о поколениях советского народа, свершивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию, отстаивавших ее завоевания в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, поднявших Отчизну до уровня самых развитых стран мира, укрепивших ее державность, оказывавших помощь народам братских социалистических стран в Европе, Азии и Латинской Америке, народам, борющимся против колониализма, за свободу и независимость.

Недостатки, ошибки и просчеты во внутренней и внешней политике, которые, конечно, имели место, отошли как бы на второй план. О них говорилось, их обнажали на экране. Но лейтмотивом радиотелевизионных передач были героика исторических свершений поколений советского народа под руководством своей партии, преемственность революционных, боевых и трудовых традиций.

Вот лишь некоторые в подтверждение этого факты.

21 апреля Центральное телевидение начало показ первой серии историко-революционного документального фильма «Летопись полувека», посвященного юбилею Октября. В пятидесяти фильмах — каждому году был посвящен фильм - давалась историко-философская трактовка событий минувшего. Восемь месяцев миллионы телезрителей, не отрываясь от голубых экранов, смотрели сами на себя, на свершенную ими великую полувековую историю. Огромная почта... Телезрители, отдавая дань благодарности создателям этого сериала, рассказывали, как они торопились с работы, дабы не опоздать к началу очередной серии, усаживались у экранов семьями, с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери, старшие братья и сестры и какими стали благодаря их советской власти. В коллективных письмах сообщалось о дискуссиях и диспутах по поводу увиденного. К сожалению, я никогда не вел дневниковых записей - было не до них... работа, работа. И потому не могу назвать ни одного из создателей той или иной серии. Над каждой из пятидесяти серий тщательно работали мой заместитель по ЦТ Георгий Иванов и я. Я же и давал добро на выход в эфир.

Однажды позвонил мне Петр Нилович Демичев - секретарь ЦК КПСС - и сообщил мне о том, что «один из членов Политбюро (фамилия не была названа) выразил свое то ли неудовольствие, то ли возмущение по поводу увиденного в сериале и добавил, что как бы Месяцев не разделил судьбы Некрича (автора работы по истории КПСС, трактовавшего некоторые ее вопросы не в духе принятой официальной версии). «Ты имей это в виду». - «Может быть, привезти ему мешки с восторженными отзывами-откликами зрителей на этот сериал?» - «Не шути, все не так просто». - Конечно, я засек сказанное в памяти.

8 мая по радио и телевидению прошла трансляция репортажа о торжественном церемониале зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата Великой Отечественной нашли в Подмоскowie, в районе Дубосеково, там, где сложили головы двадцать восемь героев-панфиловцев, сформированных в боевой порядок далеко от Москвы, под Алма-Атой. А какая разница, где - под Алма-Атой или Иркутском? Никакой. Ровным счетом. Вся суть, все естество в том, что это были советские солдаты - казахи, русские, узбеки, армяне, украинцы, белорусы, евреи, чуваша, татары, грузины и другие, стянутые Великой войной в один тугой жгут, который, если ударит по врагу, переломит ему хребет. И переломил...

Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всею Москвою висел легкий, словно пух, туман, едва-едва пробиваемый солнечными лучами.

Глядел я из сада, от самой чаши, еще не возгоревшей огнем, который получит название «Вечного». Так, через считанные минуты, скажет Николай Григорьевич Егорычев - фронтовик, Первый секретарь Московского городского Комитета партии, мой сверстник и единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторят Москва, вся страна - от западных ее границ до восточных. Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь, вверх, на улицу Горького, налево, за Манеж и направо, туда, где Большой театр - повсюду были люди, мои дорогие москвичи, мой народ - победитель в жестокой схватке с хитрым, сильным врагом, фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо...

Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная Страна. Мы уже научились связывать передачи телевидения и радио в единое, цельное, с прямым выходом в эфир. Часы отсчитывали секунды захоронения Того - Неизвестного Солдата, - Кто вовеки веков, так мне думалось, будет символом Бессмертия каждого из нас, прошедших Великую Отечественную войну. Хоронили Его...

Никто не стеснялся слез. Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Мне чудилось, что плакали все. Плакал и я. Плакал по фронтовому другу весельчаку с огненными волосами Федору Тюшину, нырявшему впереди меня под вагонами плотно стоявших эшелонов на станции Миллерово: с гитарой в одной руке, подхватившего другой вывалившиеся из уже вспоротого осколками бомб живота кишки и добежавшего лишь до своей кончины... Плакал по своей матери, не дожившей до Победы. Стояла она, родимая, в своем ветхом зипуне в очереди за керосином на далеком родном цементном заводе над Волгой, близ города Вольска. Простыла донельзя, простудилась, заболела и скончалась от скоротечного воспаления легких, вдали от меня. Плакали, казалось мне, все. У каждого было свое горе. И у всех одно великое невосполнимое - утрата родных, близких, друзей. Незабвенных.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра. И подумалось мне, уже не в первый раз: надо жить и трудиться в память о павших, ради живых.

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Комитет. Бывают минуты, мгновенья, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать, не истратить вовеки...

С 10 мая по 2 июля 1967 года Всесоюзное радио проводило фестиваль советских республик, посвященный пятидесятилетию Великого Октября - это тоже было волнующее событие. Более ста пятидесяти национальностей и народностей страны Советов рассказывали в радиопередачах фестиваля о своем житье-бытье в едином братском Союзе - этом уникальном государственном образовании, которое было развалено, но за которым историческое будущее, ибо это был опыт цивилизации будущего.

6 июня 1967 года Центральное телевидение передало на всю страну репортаж о первом Всесоюзном Пушкинском празднике поэзии. Праздник собрал поэтов со всей страны и тем самым как бы расцвел поэтическими красками пятидесятилетие Октября, его интернационалистическую сущность. Душой этого праздника был Ираклий Андронников.

...Вскоре после моего появления на Пятницкой ко мне в кабинет, что называется, на большой скорости, вкатился небольшого роста, округлых форм седовласый человек и уже с порога громким, хорошо поставленным голосом, четко выделявшим звонкие согласные, заговорил: «Вы, Николай Николаевич, можете меня называть по имени - Ираклий, так как выговорить отчество мое весьма затруднительно - Луарсабович». - «Ничего, Ираклий Луарсабович, справлюсь», - ответил ему в том же шутилом тоне. Андронников представлял для меня интерес не только как прозаик, литературовед, непревзойденный мастер устного рассказа, но и как знаток радио и телевидения, в его открытом, живом эфире. Ираклий Луарсабович, насколько я понял его, стремился убедить меня в необходимости оградить художественное (в первую очередь литературно-драматическое) вещание от возможного наплыва в него разного рода подмастерьев от искусства: «Всесоюзные радио и телевидение призваны впускать в массовую аудиторию истых талантов или делающих на таковых заявку». Позиция Андронникова совпадала в этой части с моей, и я просил его помогать в наших поисках новых интересных людей. Прелесть радио и телевидения состоит в том, что они объединены во времени одним словом - сегодня. Они ничего не могут упустить из событий грядущего дня. Они обязаны сами находить мастеров своего дела, со знанием отражающих каждодневность, поставляя тем самым материал для будущих историков.

Одна из сильных черт искусства Андронникова - рассказчика состояла в том, что, входя в наш дом вместе со своей радио- или телевизионной передачей, он приводил с собой из далекого-далека Лермонтова, Пушкина, Толстого, Репина или из совсем близких к нам по времени - Маршака, Качалова, Фадеева, Симонова, Тынянова и многих других, трогающих наши сердца.

Ираклий Андронников после нашей первой встречи нередко заходил ко мне на «стаканчик» чая. Бывало это всегда вечером, когда на Пятницкой, 25 уже спадала рабочая суматоха, становилось сначала тише, а поближе к ночи — совсем тихо. Попивая чай, мы нередко «съезжали» на одну и ту же тему - о свободе творчества, а точнее - на степень допустимости вмешательства «власти» в творческий процесс творца. И здесь тоже наши точки зрения совпадали. «Вмешательство власти, если можно в данном случае использовать это слово, не должно ни в коем разе носить императивный, приказной, разносный характер, а лишь товарищеский совет, дружеское пожелание и при непрременном согласии на это творца», - говорил Андронников. По мере оживления беседы он вставал из-за стола и начинал быстро ходить по кабинету, отчего ход его мыслей убыстрялся, а голос становился громче и выразительнее. Смотреть на него, седовласого, с живыми выразительными глазами, резко очерченным ртом, скупой жестикуляцией, полного жизни было приятно, а на душе становилось почему-то спокойнее.

2 сентября на волне радиостанции «Юность» прозвучала первая субботняя передача «Здравствуй, товарищ!», основанная на письмах молодых слушателей. 10 сентября впервые по «Маяку» прозвучала радиопередача «Полевая почта «Юности» - письма-заявки солдат и их родных. И та, и другая передача шла в направлении дальнейшей взаимосвязи массового вещания со слушателем и зрителем.

Мне хочется высказать теплые слова о коллективах редакций радиовещания для детей и юношества (главный редактор Анна Александровна Меньшикова), радиовещания для молодежи (главный редактор Владимир Иванович Фадеев), телевидения для молодежи (главный редактор Валерий Александрович Иванов), телевизионных передач для детей (Виктор Сергеевич Крючков), которые своими прилежанием и любовным отношением к делу, своим творчеством сделали вещание для молодежи и детей лучшими в ряду подобных передач в других странах. Радио- и телевизионные передачи для детей и юношества были пронизаны солнечным светом и наполнены человеческим теплом. Они закладывали в формирующееся сознание идеи добра, долга, товарищества, уважения к старшим, любви к Родине. Чувства патриотизма, интернационализма, преемственной связи между поколениями борцов за социализм были тем основанием, на котором выстраивалось высокое и светлое гуманистическое здание передач для детей и юношества.

Не скрою, и мои заместители, и я гордились нашим детским и юношеским вещанием и постоянно трудились над его дальнейшим совершенствованием. Алексей Рапохин и я, как бывшие секретари Центрального Комитета комсомола, особенно близко к сердцу принимали успехи и отдельные неудачи

этого, очень важного, вида массового вещания. Может быть, оно, как никакое другое, было тесно связано со своими юными слушателями и зрителями, что выражалось в огромной почте, поступающей в эти редакции, и умением их коллективов находить в этой почте живые, вполне демократические формы взаимных отношений.

10 октября Центральное телевидение начало регулярно передавать по первой программе цветные передачи. (Большой вклад в это новое дело внес Главный редактор цветного ТВ, а до этого - мой помощник Захар Арменакович Асоян, умный, добрый, интеллигентный человек, превосходный организатор). Это была большая техническая победа конструкторов, инженеров, рабочих телевизионных заводов Москвы, Ленинграда, Новгорода. Вместе с тем это был и плод добрых советско-французских отношений, ибо система цветного телевидения базировалась на французской системе СЕКАМ. Я вспоминаю переговоры главы нашего Правительства Алексея Николаевича Косыгина с Президентом Французской Республики генералом Шарлем де Голлем, которые проходили в духе доброго взаимопонимания. Меня поразило тогда выступление Президента по ЦТ, произнесенное, как говорится, на одном дыхании, без всяких бумажек и телесуфлеров, что, конечно, было удивительным в сравнении с чтением Брежневым и другими нашими руководителями подобных речей по бумажкам. Меня заинтересовал этот факт. Во время одной из моих поездок в Париж мой коллега - министр информации во французском правительстве рассказал, что де Голль, как правило, свои небольшие выступления по телевидению выучивал наизусть. «Да, - подумал я, - генерал хорошо знает силу телевидения: оно может или сделать политика, или убить его».

21 октября в честь Великого Октября коллектив Главной редакции информации («Последние известия», «Маяк» — главный редактор Владимир Дмитриевич Трегубов) Всесоюзного радио был награжден памятным Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС, которое было оставлено в редакции на вечное хранение.

Награждение этого коллектива столь высокой наградой вызвало в стенах Комитета одобрение. Все знали, как много и плодотворно трудятся их товарищи в службе радиосообщения — денно и нощно, подчас не щадя себя, оправдывая высокое звание радиожурналиста. Это он - молодой или в возрасте, вызывающем уважение, - должен сделать так, чтобы новости дня первыми прозвучали в эфире. Что бы там ни было, но сделать. Иначе радио (и телевидение) утратят свою притягательную информационную силу. Люди будут «шарить» новости на других волнах.

1 ноября по первой программе ЦТ прошла передача «СССР-67. Один час жизни Родины». Подобная передача тоже проводилась впервые. Это была своеобразная телевизионная переключка разных городов нашей страны. В эфир шли исключительно прямые, с места события, репортажи продолжительностью от одной до трех минут. А с 1 по 10 ноября Центральное телевидение и Всесоюзное радио работали по программам, которые как бы дополняли друг друга, передавали эстафету одно другому. Это было осуществлено впервые, как и то, что со 2 ноября Центральное телевидение начало регулярно передавать программы для сети приемных станций системы «Орбита» через искусственные спутники связи «Молния-1». В дома миллионов жителей районов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии вошла Москва. Работники Центрального телевидения тем самым накладывали на свои плечи новые заботы, связанные с обеспечением высокого технического и художественного уровня передач, при обязательном учете интересов и запросов этого огромного по территории и значимого по своему хозяйственному потенциалу региону.

На эти новые заботы накладывались еще «более» новые, связанные с творческими поисками и техническими решениями, а в их ряду давали о себе знать старые заботы и печали. А печалиться мне как Председателю было от чего. Порой, оставаясь наедине с самим собой, я одновременно и поражался и гордился тем, что коллективы Всесоюзного радио и прежде всего - Центрального телевидения не только не ропщут на трудно вообразимую скученность людей, но все время творят, радуя слушателей и зрителей интересными передачами. В самом деле, в связи со строительством Общесоюзного телецентра и постепенным вводом в стране многопрограммного теле вещания коллектив Госкомитета только в Москве увеличился более чем вдвое, размещаясь на тех же старых площадях. Многие тысячи людей - корреспондентов, репортеров, редакторов, комментаторов, режиссеров, звукооператоров, телеоператоров, наладчиков аппаратуры, дикторов, музыкантов и еще десятков профессий - словно в пчелином улье, сидя и стоя впрыток друг к другу в кабинетах, коридорах, на лестничных клетках,

обеспечивали безостановочное функционирование Всесоюзного радио, вещания на зарубежные страны, Центрального телевидения. И не просто обеспечивали, а, как я пытался показать, день за днем создавали своим умом и сердцем все новое и новое в эфире. С тех пор прошло двадцать с лишним лет, но во мне по-прежнему живет чувство искреннего преклонения перед всеми тружениками эфира.

Конечно, проходили в эфир и ремесленнические подделки, на которые было смотреть неинтересно, но оторвать взгляд от них, как от закипающего молока, было невозможно. У нас «пираты» эфира утверждали, что для них все возможно, кроме одного - сорвать передачу. Истинно было так!

МОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Я уже рассказывал о большом личном участии Алексея Николаевича Косыгина - Председателя Совета Министров Союза ССР в развитии радиовещания и телевидения в стране. Но я обязан продолжить повествование об этом прекрасном Человеке, выдающемся государственном и общественном деятеле. Алексей Николаевич отлично понимал, что в перспективе воздействие телевидения (особенно) и радио на широчайшие слои населения будет возрастать. И потому его постоянно занимала, как это я чувствовал из бесед с ним, проблема воздействия массового вещания на человека - делает оно его лучше или хуже в самом широком смысле. Иначе говоря, мой Председатель смотрел в самую суть радиотелевизионного вещания. С годами мои встречи с Алексеем Николаевичем становились чаще и продолжительнее. Я думаю, он чувствовал мое влечение к нему и отвечал добрым ко мне отношением. Обычно я запрашивался к Алексею Николаевичу на доклад на вторую половину дня, поближе к вечеру. В эти часы трудовой ритм становился менее напряженным, человека, казалось мне, больше располагало к размышлениям, сравнениям с прошлым, заглядыванию в будущее.

...Как-то я пробыл у Председателя часа два с половиной. Выхожу от него в приемную, а там помимо дежурного помощника сидит еще и Управляющий делами Совета Министров СССР Смиртюков Михаил Сергеевич.

- Ты что это так много времени отнимаешь у моего Председателя!

- Он и мой Председатель. А время ушло на дела. Неужели по мне не видно, что Алексей Николаевич подписал распоряжение об ассигновании 2 миллионов золотых рублей на приобретение по импорту мебели для телецентра в Останкино?

- Поздравляю! Что же, два с лишним часа он подписывал это распоряжение?

- Вспоминал свое прошлое. - Что?

- Спроси у Алексея Николаевича - Строительство Общесоюзного телецентра подходило к концу. Я подробно докладывал Председателю о состоянии дел, поражаясь его знаниям и в сфере собственно строительства, и в технических характеристиках телевизионной аппаратуры и возможностях заводоизготовителей этой аппаратуры.

В ходе строительства Общесоюзного телецентра, его технической оснащенности, создания нормальных производственно-бытовых условий для его работников Алексей Николаевич Косыгин, вникая в различные аспекты, подсказывал, как наилучшим образом их решить и в том числе - опираясь на его помощь. В тот вечер я доложил Председателю о завершении к 50-летию Октябрьской революции строительства первой очереди телецентра.

Было около восьми вечера, и я собирался уже попрощаться с Алексеем Николаевичем, когда он спросил: «А Вас часто беспокоят товарищи из ЦК?» - «Члены Политбюро, секретари Центрального Комитета партии - редко».

Сложилась примерно следующая цепочка передачи замечаний: секретарь ЦК - его помощник - отдел пропаганды и агитации - кто-либо из моих замов - я. Замечания идут, как правило, в связи с тем, что кому-то в эфире не понравилось что-то или кто-то. Главным «цензором», конечно, выступает отдел пропаганды и агитации ЦК, который в своем составе имеет специальный сектор, и товарищи из него обязаны «отрабатывать» занимаемые ими должности, что некоторые из них с особым рвением и делают под руководством замзава А.Яковлева.

Своего отношения к замечаниям я не скрывал. Я говорил Алексею Николаевичу, что если я буду поворачивать свою голову на каждое замечание, идущее то слева, то справа, то спереди, а то и сзади, моя голова быстро сорвется с плеч. Своих замов я тоже прошу критически относиться к замечаниям,

идушим «сверху», не пугаться, не привносить «страх» в коллектив, дабы не раскачивать его из стороны в сторону в связи с субъективными замечаниями, а удары принимать на себя и спускать в землю.

- Вам это удастся?

- Да. В основном.

- По моему убеждению, вы поступаете правильно. Конечно, Вам в нынешних условиях выдерживать свою позицию гораздо легче, чем мне в былые годы, во времена Сталина. Тогда я тоже был молод и, естественно, хотелось привнести в работу свое, выстраданное, вопреки идущим сверху указаниям. Однако это оказывалось, как правило, невозможным. Жесткий прессинг сковывал инициативу. Все годы работы, на любых должностях я в меру своих полномочий стремился дать своим подчиненным по службе максимально возможный простор для самостоятельности, творчества. Сталин упрекал меня в демократичности. Но щадил. Он умел зажимать волю других в своем кулаке и направлять ее в нужное ему направление. Мне порой казалось, что он видит все, кругом и даже насквозь.

- Работали мы тогда далеко за полночь, если не до утра, - продолжал вспоминать Алексей Николаевич. - Бывало, что Сталин около часа ночи приглашал поужинать. После ужина шли смотреть кино. Я обычно садился сзади, чуть сбоку от Сталина. Однажды, сморенный усталостью, я во время просмотра фильма задремал. Сталин заметил и сказал: «Если Вы, товарищ Косыгин, устаете на работе больше, чем другие, идите спать». Сон, конечно, с меня сразу слетел. Я извинился. Сталин смолчал. Он умел держать паузу.

Рассказывал Алексей Николаевич о былом обычно неторопливо, своим ленинградским говором, голосом чуть глуховатым. Лицо то озарялось мягкой улыбкой, то на него набегала грусть. Надо сказать, что внешне он обычно выглядел спокойным. Коротко, «ежиком» подстриженные седые волосы (ему тогда перевалило за шестьдесят пять), большой с залысинами лоб как бы приковывали к себе внимание, отвлекая от серых живых глаз, крупного носа и округлого подбородка. Работал Косыгин быстро и красиво. Он знал свое дело. Я завидовал его познаниям в различных отраслях экономики и культуры. Он, будучи по образованию инженером-текстильщиком, со знанием дела мог «распекать» директора Магнитки за излишние припуски при прокатке металла или высказывал глубокие суждения о сути реформы школы на основе связи политехнического образования с производительным трудом и т.д.

Алексей Николаевич был, как мне кажется, из породы политиков, которые на политической арене редко выступают на первый план. Мне доводилось наблюдать Брежнева - Генсека ЦК КПСС, Подгорного - Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Косыгина - Председателя Совета Министров СССР, когда одно общее дело сводило их вместе, слушать их суждения, сравнивать... Напыщенный вождизм Брежнева при заурядности суждений; безликость Подгорного, обязательно вступающего в дискуссию вторым, и его посредственность в аналитических оценках; глубина мыслей Косыгина и некая выраженная то ли стеснительность, то ли нежелание выпячивать себя - скорее всего именно это. Алексей Николаевич обладал колоссальным практическим опытом руководства народным хозяйством. Вряд ли кто-либо еще из плеяды «стариков», прошедших Великую Отечественную, послевоенное время до самого начала 80-х годов, мог возглавить Советское правительство после освобождения Н.С.Хрущева с этого поста в октябре 1964 года. Назначение А.Н.Косыгина на должность Председателя Совета Министров СССР было воспринято с удовлетворением. В народе к нему относились с большим уважением. И если авторитет Брежнева и Подгорного с годами снижался, а в 80-е годы просто-таки катился вниз, то Косыгина и после его кончины (14 декабря 1980 года) люди продолжают вспоминать светло, с благодарностью за честное служение Отчизне.

С приходом Алексея Николаевича к руководству Совмином были отсечены некоторые бюрократические элементы в его деятельности. Члены правительства заговорили не по бумажкам, а своим языком, по отведенному каждому из них природой уму. Были упразднены областные и региональные совнархозы и восстановлено отраслевое управление народным хозяйством страны, при расширении прав и самостоятельности отдельных, особенно крупных, предприятий, фирм, концернов.

В 1965 году на сентябрьском Пленуме Центрального Комитета партии с докладом об основных параметрах экономической реформы выступил А.Н.Косыгин. Было принято соответствующее решение. В интересах дела, для ликвидации бюрократического параллелизма в руководстве народным хозяйством, повышения роли министерств, Косыгин предложил упразднить соответствующие

отраслевые отделы в ЦК КПСС. Однако Брежнев расценил это, как умаление роли Центрального Комитета партии, а стало быть, и его роли как Генерального секретаря ЦК. На заседаниях Секретариата ЦК, которые в те годы обычно вел Сулов, я не наблюдал активной поддержки экономической реформы. Сулов и другие приспешники Брежнева «цедили» что-то невнятное по поводу этой реформы.

И все же экономическая реформа набирала силу, а состояние народного хозяйства улучшалось. В 1965-1967 годах валовый национальный продукт увеличивался в среднем на 8 процентов в год, производство товаров народного потребления - на 10 процентов, а производство сельскохозяйственной продукции - на 4 процента.

Настроение Алексея Николаевича тоже шло в гору. Но так продолжалось недолго. В конце 1967 года я заметил резкий спад в его настроении и как бы мимоходом, во время очередного доклада, спросил о состоянии здоровья, хотя знал, что незадолго до этого он отдыхал в Кисловодске, в санатории «Красные камни». Последовала длинная пауза. Алексей Николаевич встал из-за стола, подошел к окну, выходящему на Ивановскую площадь Кремля. Встал и я. Тоже подошел к тому же окну. Алексей Николаевич не смотрел на площадь. Мне показалось, что он как-то весь сник. А потом после паузы сказал: «Наверное, мне пора уходить отсюда». Я не поверил своим ушам: «Вы сказали «уходить»?!» - «Да. Экономическая реформа дальше не пойдет, она обречена. Принято решение (я понял - Политбюро) о том, чтобы почти вся прибыль предприятий, в том числе и сверхплановая, изымалась, «в порядке исключения», в госбюджет. Наговорил, наобещал, что реформа - это путь экономического развития путем стимулирования инициативы и заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, а на деле - болтовня».

У меня посредственная политэкономическая подготовка. Но я понимал, что решение, принятое Политбюро, подкашивает реформу Косыгина под корень. Она была его детищем. Всех своих министров и председателей госкомитетов он обязал два раза в месяц к 9 часам утра являться на лекции по проблемам экономической реформы, которые мне, например, многое помогли глубже уяснить.

...Отставка А.Н.Косыгина принята не была. Реформа забуксовала, потом даже сами слова «экономическая реформа» вышли из употребления, в том числе и у нас на радио и телевидении. Брежнев и его приспешники продолжали профессионально малограмотно вмешиваться в решение народнохозяйственных проблем, что наносило вред. Во что обошлось стране строительство, например, Чебоксарской ГЭС, предпринятое по инициативе Брежнева и Кириленко, поведшее к затоплению очень большой территории плодородной земли, переносу деревень, а в последующие годы - к большим дренажным работам?! Перечень подобных «дел» можно продолжить.

Однако Косыгин продолжал искать новые решения застарелых проблем - нехватки средств на модернизацию народного хозяйства и на непомерные военные расходы: привлечение иностранных фирм к строительству Волжского и Камского автомобильных заводов, развитие иностранного туризма, добыча алмазов в Якутии, нефти и газа - в Тюменской области и другое.

Используя средства массовой информации, я стремился широко рассказывать обо всех этих и других нестандартных решениях на радио и на Центральном телевидении. Естественно, рассказывать не об Алексее Николаевиче, а о свершениях трудового люда. Но и это было замечено на самом верху, и ко мне окольным путем дошло «их» неудовольствие.

А делалось все просто. Косыгин, продолжая старые традиции, когда выполнением внешнеполитических акций занимались не партийные, а советские органы, с большим успехом справился с ролью посредника в индо-пакистанском военном конфликте, с переговорами по «восточной политике» немцев, с Чжоу Энляем (КНР) — по советско-китайским отношениям и др. Естественно, что все эти акции находили свое достойное место в эфире. Во время пребывания А.Н.Косыгина в Лондоне Всесоюзное радио, Вещание на зарубежные страны и Центральное телевидение широко освещали этот официальный визит главы Советского правительства. После одного из таких прямых репортажей из Лондона, по окончании работы пресс-группы, которые проходили почти за стеной кабинета Брежнева, Л.Замятин - тогдашний Генеральный директор ТАСС говорит мне:

- Знаешь, Леонид Ильич очень недоволен тем, что ты уделяешь такое внимание визиту Косыгина в Англию, его рассиживанию там в золоченых креслах.

. Для меня Косыгин - глава Советского правительства, пользующийся доверием своего народа, и я обязан достойно освещать его визит, в том числе и в золоченых креслах, если хозяева ему именно в эти кресла предлагают сесть.

- Смотри, тебе виднее...

Что такое «тебе виднее», я, конечно, соображал, но поступаться принципами - не в моих правилах.

Постепенно Брежнев и его окружение начали отстранять Косыгина от проведения наиболее важных акций во внешней политике. Пройдет немного времени, как Брежнев, Подгорный, Устинов, Тихонов и некоторые другие превратят Косыгина из Председателя Совета Министров в простого экономиста, отодвинув от большой политики.

Алексей Николаевич был скромным человеком. Его нередко можно было видеть гуляющим по московским улицам, в магазинах и, конечно, на заводах, в колхозах и совхозах. Он не любил излишеств и разной пышной мишуры приемов, барства. Как-то он рассказал мне о своей «стычке» с Н.С.Хрущевым (с которым работал, в общем, дружно), происшедшей как раз на почве «барства». «Вскоре после отъезда Никиты Сергеевича в США мне, - рассказывал Косыгин, - принесли на утверждение смету расходов на подготовку и проведение его визита. Там значились живые осетры, стерлядь, лососевые, всякого рода икра, копчености, все - от свежатины до медвежатины, от теплохода «Балтика» до персонального самолета. Все это выливалось в весьма кругленькую сумму. Смету я не утвердил. Возвращается Хрущев из США, спрашивает: «Ты почему не утвердил смету расходов?!» - «Не могу. Цари русские и те скромнее совершали свои вояжи за границу». - «Обойдусь без тебя, найдется кому подписать».

В беседах с Алексеем Николаевичем Косыгиным я пытался навести его на разговор по проблемам жизнедеятельности партии, государства, общества. Из его скупых ответов и размышлений по поводу волнующих меня проблем я вынес впечатление, что он видел и был серьезно обеспокоен углублением диспропорций в развитии народного хозяйства и прежде всего - вследствие постоянно растущей милитаризации производства в ущерб подъему благосостояния советских людей, усилением монополизма в промышленности - особенно. Возмущали его появление все новых привилегий для власть придержащих, растущая вседозволенность и коррупция в разных эшелонах власти под воздействием искусственно выращиваемого уродства - «культика» Брежнева, отрыва руководителей партии от рядовых ее членов, от народа. Он не только осознавал всю пагубность этих явлений, но и давал понять, что выход из создавшегося положения - в приходе к руководству новых, молодых людей, отражающих и выражающих новые идеи, вместо дряхлеющего руководства, к которому в этой части причислял безо всяких стеснений и себя. Может быть, именно это и побуждало Алексея Николаевича к откровенности в беседах со мною - порой сдержанных, но доверительных. Они подчеркивали теплоту его отношения ко мне. Он учил меня жизни, как уходящий из нее старик - молодого, приходящего в нее. Тогда я так отчетливо не осознавал характер этих отношений. Осмысление пришло позже, когда А.Н.Косыгина не стало.

Думаю, что трагедия Косыгина как политика состояла в том, что он многое видел, понимал, но не предпринимал решительных мер к тому, чтобы восстать против негативных, уродливых, чуждых социализму явлений, в том числе в верхних эшелонах власти.

В 1967 году Алексей Николаевич овдовел. Скончалась его жена Клавдия Андреевна. В один из дней звонит мне Николай Егорычев, первый секретарь Московского горкома КПСС и говорит: «Поедем, поможем Алексею Николаевичу в похоронных делах, побудем около него, он в Доме ученых». Держался Алексей Николаевич внешне спокойно. Помогли установить на постамент гроб, уложить цветы. Постояли вместе у гроба. Помолчали...

4 ноября в 19 часов 50 минут репортажем об открытии нового телецентра начала свои передачи четвертая программа Центрального телевидения. Таким образом в стране была заложена мощная современная техническая база телевизионного вещания, создано многопрограммное телевидение. Под стать Великой Державе - Союзу ССР. Перед главным входом в Общесоюзный телецентр прошел митинг.

А накануне, 3 ноября 1967 года, Общесоюзному телевизионному центру в Останкино постановлением Совета Министров СССР за подписью А.Н.Косыгина было присвоено имя 50-летия

Октября. Плечом к плечу стояли Леонид Максаков, Георгий Иванов, мои замы, Евгений Сидоров, Вячеслав Надеждин, Владимир Маковеев - главные строители, а также Дмитрий Квок, Петр Шабанов, Захар Асоян, Евгений Наер, Владимир Кириллин, Вилен Егоров, вложившие свои недюжинные способности, чтобы вдохнуть жизнь в телецентр. Всех не перечислить, а как хотелось бы! Стояли те, кто по зову пришел творить: Марлен Хуциев, Николай Карцов, Виктор Лисакович, Кира Анненкова, Валерий Иванов и многие, многие другие. И среди них большинство еще совсем юных - режиссеров, телеоператоров, звукооператоров, редакторов, осветителей и других товарищей, без профессиональной подготовки которых не могут быть созданы ни одна телепередача, программа, цикл...

На душе было радостно, счастливо. Наконец-то работники ЦТ перестанут как неприкаянные ютиться в забитых донельзя людьми комнатах, коридорах, лестницах. Все поздравляли друг друга. В первоклассном баре выстреливали бутылки шампанского. Ради такого дня, к которому шли, не жалея ни дня, ни ночи, можно было и выпить по бокалу игристого вина.

ВОЖДИ НА «СЕДЬМОМ НЕБЕ». НА ЗЕМЛЕ НОВЫЕ ДЕРЗАНИЯ

На следующий день приехали осмотреть творение разума и рук человеческих в Останкино члены Политбюро, секретари ЦК КПСС, заместители Председателя Совмина. Понравилось. Поднялись в ресторан телебашни, высота которой 540 метров, посмотреть на Москву с высоты «Седьмого неба». Облачность была высокая. В ее разрывы врывалось солнце и своими лучами, словно прожекторами, выхватывало различные части Москвы. Вдали куполами золотился Кремль, врезались в небо шпили высотных зданий, городскую каменную громаду прорезывали проспекты, улицы, по которым сновали маленькие машинки и крошечные человечки. Не понравиться все это не могло. По своим размерам и оснащенности Телецентр являлся уникальным инженерно-техническим сооружением не только у нас в стране, но и в мировой практике. О его масштабности могут свидетельствовать такие данные: объем - свыше миллиона кубометров, полезная площадь - 154 тысячи кв.м., протяженность фасада - 420 метров. В 13-этажном здании впервые в мировой практике было сосредоточено большинство редакций, технологических и вспомогательных служб. Для их инженерной «совместимости» пришлось решить немало сложных технических и строительных задач.

Технология телевещания предусматривает специализацию на этапах создания записи, монтажа и выдачи программ в эфир. Телевизионный технический центр состоит из трех основных технологических комплексов: (1) аппаратно-студийного со службой художественно-декоративного обеспечения, (2) кинотехнологического и (3) комплекса передвижных технических средств. О масштабности телецентра можно составить представление следующим образом: сложим все высотные дома на Новом Арбате, приплюсуем к ним здание бывшего СЭВ и получим объем телецентра. В его тысячеметровых по площади студиях можно разворачивать даже «танковые бои».

В ходе осмотра Москвы молодые люди из «девятки» (Главного управления охраны Комитета госбезопасности) разносили высоким гостям закуски и по рюмке коньяку. Мои замы и я сидели за столом, по соседству с Брежневым, Подгорным и Косыгиным. Я отвечал на их вопросы. Увидев, что им на стол подали, помимо другого, первоклассный балык - янтарный, манящий, я обратился к обслуживающему наш столик молодому человеку: «Принесите, пожалуйста, и нам балычка». Проходит мимо, не несет. Я второй раз повторил свою просьбу. Опять мимо. Меня разозлило. Я - в третий раз, но уже с нажимом в голосе. Тогда Подгорный, обращаясь к тому же молодому человеку, сказал: «Принесите балыка, а то он и дальше будет канючить». И мгновенно принесли. Посмотрел я на Алексея Николаевича Косыгина - добродушно улыбается.

...К концу шестидесятих годов коллегиальность в руководстве КПСС, о необходимости которой так остро говорилось на Пленумах ЦК после XX съезда КПСС, постепенно, но заметно уступала место единоначалию в лице Брежнева. Нарастал процесс формирования «нового» вождя. За моей спиной, на почти полукилометровой высоте, сидели рядом и дружески, даже мило вели разговор трое, от партийного, товарищеского взаимоотношения между которыми, в конечном счете, зависит обстановка в Политбюро ЦК, внутри всего ЦК, в партии, а стало быть - и в стране в целом. Но за этими внешне дружескими отношениями уже было другое. Сначала Брежнев с помощью Подгорного, Сулова, Устинова и других из этой же группы доведет дело до того, что Косыгин будет вынужден уйти в отставку. Потом уберут из Политбюро молодого Александра Шелепина. Затем, еще более

консолидировавшись, эта группа освободит от всех занимаемых постов ничего не подозревающего Подгорного, который услышит о своем смещении впервые на Пленуме ЦК и сразу превратится из большой фигуры в маленького слабенького старичка. Освободят «по болезни» молодого Кирилла Мазурова и т.д. Останется один - Брежнев, из которого сонм его приспешников так и не вылепит вождя, при всем на то его вождественном желании.

«Седьмое небо» продолжало раскручивать свои равномерные обороты, открывая величественную панораму Москвы то в одном, то в другом ракурсе, а я, глядя на сидящих рядом людей, в чьи руки волею судеб попало управление огромной страной со многими миллионами человеческих жизней, думал не о них всех, а почему-то об одном - Брежневе. С годами он все более упивался властью. Она была для него, наверное, всем: и прекрасной женщиной, и молодым вином, и лучом солнца после долгой кромешной тьмы. Глядя на него, я сознавал, что с властью он добровольно никогда не расстанется, как никто не делал этого до него. Ради ее сохранения он пойдет не только на заклятие ему неугодных, но и доведет страну в трясину стагнации.

О жизненной необходимости последовательной демократизации порядков в партии, государстве и обществе уже не говорилось, а если и говорилось, то как бы ради приличия. Брежнев подминал под себя свое окружение - где силой, где лестью, на что он тоже был мастак. Дело подчас доходило до проявления им такого тщеславия, что становилось и грустно и смешно, а в конечном счете - омерзительно. Заходит ко мне мой первый заместитель Энвер Мамедов и, ссылаясь на своего приятеля А.Александрова - Агентова, одного из помощников Брежнева, говорит: «Леонид Ильич прослушал свое выступление для звуковой книги о Ленине (которую я вместе с другими товарищами готовил к изданию) - ему понравилось. Но он выразил неудовольствие тем, что в книгу включаются также выступления Подгорного и Косыгина. Их выступления не нужны». Лаколично, но предельно ясно... Зная, насколько тщеславен и подозрителен Брежнев, когда речь идет о нем, я не пропускал «наверх» материалы радиоперехвата, в которых в то время Западным радиовещанием на Советский Союз активно разрабатывалась тема возможной замены «старых вождей» во главе с Брежневым «молодыми выдвиженцами», в числе которых назывались члены Политбюро ЦК КПСС Шелепин и Полянский. Полагаю, что раздающиеся сейчас голоса о якобы готовящемся заговоре со стороны молодых по смещению Брежнева есть не что иное, как перепевы тех давних голосов.

Не скрою, что если бы у представителей моего поколения было бы стремление к власти, оно породило бы мужество, достаточное для того, чтобы вполне демократичным образом сместить Брежнева, переместить на второстепенные роли Суслова, Кириленко и других «старых вождей». Уверен, что в этом случае наше общество, страна не оказались бы в таком застойном болоте, в которое они их завели, а сейчас Россия не превращалась бы в сырьевой придаток Запада. Однако, к великому сожалению, история распорядилась по-другому. Она позволила «старым вождям» преимущественно силой, а где и лестью, остановить естественную смену поколений, задержать молодых на низких и средних уровнях руководства страной. А когда они - Брежнев, Суслов, Кириленко, Устинов, Тихонов, Черненко и иже с ними - увидели и поняли, что молодые, даже находясь в этом загнанном положении, все же переросли их и в знаниях, и в опыте, а потому в состоянии дать новый здоровый импульс развитию страны, они, обладая несравненным опытом в политических играх, прибегли к известному иезуитскому приему - отправили большинство из них на укрепление «дипломатического фронта» подальше от Родины, от народа, что станет особенно очевидным в конце 1969 - начале 1970 года. А уже к этим годам время начнет уносить в небытие все больше и больше моих сверстников. Шеренги моего перебитого войной поколения начнут заметно редеть.

...Много нового появилось на телевидении и радио в следующие за 1967 годы. Отмечу лишь наиболее интересное, значительное.

1 января 1968 года в эфире в первый раз появилась информационная программа «Время», которая стала наиболее притягательной общественно-политической передачей ЦТ. Ее каждодневными творцами был вместе с товарищами Николай Семенович Бирюков - главный редактор информационной службы ЦТ. Программа «Время» отработала в эфире почти четверть века, впрочем, как и многие другие, но наполненная уже иным содержанием, в духе нынешнего времени.

А на радио, на волне «Маяка», в эфире прозвучал первый выпуск развлекательной передачи «Опять двадцать пять». С этой смешной по содержанию передачей у меня связано грустное

воспоминание. Прошло в эфир несколько передач, как поутру, в начале рабочего дня, раздаётся телефонный звонок по «вертушке» (правительственной связи). Звонит Полянский Дмитрий Степанович, член Политбюро, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР: «Еду на работу, включил в машине радиоприемник, а там звучит передача «Опять двадцать пять». Я ее слушаю уже не в первый раз - такая безвкусица под видом юмора, столько в ней всякой дребедени, что просто диву даешься... Не можете творить хорошее, не засоряйте эфир!» - «У нас на эту новую передачу очень большая почта и только с положительными оценками». - «Я сказал то, что думаю. До свидания». - «До свидания».

Посоветовался со своими «творцами» и эту получасовую передачу передвинули пораньше на утро, когда рабочий люд встает, умывается, завтракает, а не тогда, когда «начальство» в машине едет на работу. Передача «Опять двадцать пять» продолжала жить.

Плодотворно прошла первая Всесоюзная научно-теоретическая конференция радиожурналистов «Современность, человек, радио». В Ленинграде с большим успехом впервые прошел фестиваль музыкальных коллективов и солистов Всесоюзного радио и Центрального телевидения: Большого симфонического оркестра (дирижер Г. Рождественский), Большого хора (хормейстер К. Птица), оркестра народных инструментов (дирижер В. Федосеев), хора русской народной песни (к сожалению, фамилию хормейстера не помню), концертно-эстрадного оркестра (дирижер Ю. Силантьев). Надо заметить, что в мае 1970 года был создан детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения (хормейстер В. Попов).

Пишу «впервые прошла в эфир радиопередача» или «впервые состоялось»... Не буду специально подчеркивать, что «впервые», хотя все, что далее я отмечу, действительно было новым, впервые звучало по радио или появлялось на экранах телевизоров. А иначе и не могло быть. Коллективы работников телевидения и радио в повседневной практике приобретали новый опыт, а с ним и смелость в творческих дерзаниях.

Вот еще некоторые тому примеры. В Москве в феврале 1968 года состоялся Всесоюзный конкурс цветных телевизионных фильмов. В апреле в эфир вышла телепередача «В мире животных», которая сразу полюбилась и малому и старому. Вел ее народный артист СССР А. Згуриди. В июне было создано творческое объединение ЦТ по производству телевизионных кинофильмов и программ в записи на пленку - «Экран». Возглавили его творческую сторону известные режиссеры: Марлен Хуциев (художественные фильмы) и Владимир Лисакович (документальное кино). Образование этого творческого объединения освобождало нас от прямой зависимости, от случайностей кинематографа. Но это вовсе не означало отсутствия у нас интереса к деятельности мастеров кино, к работе киностудий. Параллельно с расширением своей собственной производственно-технической базы мы всячески стремились создать на крупнейших студиях страны творческие объединения по производству телевизионных фильмов, что и было осуществлено в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах. У меня еще более тесными стали отношения со многими ведущими режиссерами и артистами кино: С. Герасимовым, С. Бондарчуком, М. Хуциевым, А. Аловым, В. Наумовым, С. Колосовым, Э. Леждей, В. Сафоновым, М. Бернесом, Л. Орловой, Г. Александровым, А. Баталовым и другими. Много интересного и забавного узнал я от них. Но бывали случаи, которые омрачали добрые отношения между деятелями кино, с одной стороны, и радиотелевидения - с другой. Заходит как-то ко мне актриса Лидия Смирнова и со слезами на глазах рассказывает, что на Центральном телевидении во время подготовки одной из передач обидели ее подружку Аллу Ларионову. Я попросил обидчицу публично извиниться перед А. Ларионовой, что и произошло к взаимной радости сторон.

9 августа 1968 года в печати было опубликовано изложение постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по развитию цветного телевидения в СССР», над которым мы (и, прежде всего, З. Асоян со своей редакцией) долго трудились. В этом постановлении, подписанном А.Н. Косыгиным, намечалась комплексная программа внедрения цветного телевидения на новых территориях страны при увеличении объема вещания, удешевления стоимости цветного телевизора, приобретения его за счет средств профсоюзов, предприятий и т.п. и установки в общежитиях, школах, вузах, клубах в городе и на селе.

Новый, 1969, год был ознаменован тем, что на Всесоюзном радио прозвучала новая передача «Сокровища нашей фонотеки», слушатели которой получили возможность совершать «путешествия» в мир редких звукозаписей. А Центральное телевидение транслировало с космодрома Байконур запуск

кораблей «Союз-4» и «Союз-5» с космонавтами В. Шаталовым, Б. Волковым, Е. Хруновым и А. Елисеевым на борту. Телезрители стали свидетелями подготовки ракет к запуску, могли видеть из космоса стыковку кораблей, переход космонавтов из одного корабля в другой. К этой первой прямой передаче запуска наших космических кораблей Центральное телевидение шло долго... Соединенные Штаты Америки не только широко информировали общественность о своей космической программе, но и заранее объявляли о времени очередного запуска космического объекта. У нас же вести об этом были за семью печатями, держателем которых был секретарь, член Политбюро ЦК КПСС Д.Ф. Устинов (позже - министр обороны). При всем уме и прекрасных организаторских способностях он был тем человеком, который не разглядел значимости того, что самой открытостью свершений нашей страны в космосе мы подчеркиваем их общепланетарный, гуманистический характер.

Сергей Павлович Королев - конструктор первых ракетно-космических систем, основоположник практической космонавтики, лучше, чем кто-либо другой понимал всю важность максимально возможной, не в ущерб безопасности страны, открытости дерзаний Человека в космическом пространстве. Он был моим союзником в том, чтобы радио и телевидение рассказывали и показывали тех ученых, рабочих, инженеров, техников, которые создавали «Востоки», «Союзы», отправляли космические устройства к Луне, Венере, получали за свой выдающийся труд высокие награды, но которые не могли в силу «закрытости темы» рассказывать о своей деятельности друзьям и даже близким. Тех, кого задраивали как безвестных людей в космических кораблях и о которых мир узнавал с опозданием. Тех, кто, покоряя космос, продолжали оставаться на Земле.

Одним из таких покорителей космического пространства, остававшихся на Земле долгие годы безвестным стране человеком, был Сергей Павлович Королев - Главный конструктор, как потом его окрестили в народе. О нем я был наслышан задолго до личного знакомства. Я часто проезжал мимо его конструкторского бюро и завода, где творились космические «чудеса», что в Мытищах, под Москвой. Знал я и где он жил - правительство подарило ему особняк, выстроенный в Останкино, недалеко от Телецентра, на территории бывшего сада - клуба имени М.И.Калинина, куда в довоенные годы мы, ребяташки, бегали в кино. Не знаю, что сейчас в этом особняке. Но он по-прежнему стоит в окружении старых сосен. Давно уже нет здесь соснового бора и пруда. Вместо них пролег проспект имени академика Королева - от аллеи героев-космонавтов к Общесоюзному телецентру.

Познакомил меня с Сергеем Павловичем Королевым Юрий Алексеевич Гагарин на одном из правительственных приемов в Кремле. А с Юрием Алексеевичем мы вместе трудились в Обществе советско-кубинской дружбы - он был его Председателем, а я у него заместителем. Прием состоялся в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца; по числу приглашенных небольшой, а по типу своему - аля фуршет. Увидев Юрия Алексеевича, подошел к нему. С ним рядом стоял человек ниже среднего роста, коренастый, с короткой шеей. Юрий Алексеевич спросил: «Вы знакомы?» - «Нет». — «Сергей Павлович Королев».

Мы обменялись рукопожатием. У Королева была небольшая широкая кисть, рука твердая. Лицо Королева известно ныне миллиардам жителей нашей Планеты.

Люди Земли знают, что это его разумом и волей было свершено то, что сейчас справедливо называется «открытием космической эры человечества». В облике Королева меня поражала круглая голова с большим лбом и острыми, словно буравчики, глазами. О Сергее Павловиче написаны книги, множество статей, очерков, зарисовок. Да будет позволительно рассказать о нем то, что оставило след в сердце моем и памяти. То же самое я поведаю и о Юрии Алексеевиче Гагарине - Человеке планеты Земля, как с любовью называл его Королев.

В конце 1964 года я во второй раз встретился с Сергеем Павловичем. Произошло это в Военно-промышленном комитете, в Кремле. Разговор зашел о ходе строительства Останкинского телецентра, об использовании в работе радио и особенно телевидения спутниковой связи. Я высказал озабоченность тем, что американцы, судя по имеющейся информации, намерены в ближайшие годы создать глобальную систему спутниковой связи, которая опояшет весь мир. Более того - предпринимаются усилия по разработке такого искусственного спутника, телевизионный сигнал с которого можно было бы принимать непосредственно на телеприемник, минуя промежуточные приемные устройства. Сказал Сергею Павловичу, что готовлю по этому поводу обстоятельную записку в Центральный Комитет партии с тем, чтобы принять необходимые своевременные меры не отстать от США в этой важной

сфере развития телевидения. Проблема, заметил я, не только техническая, но и политико-идеологическая. В самом деле, рассуждал я, в условиях противоборства двух социально-политических систем тот, кто первый выйдет из космоса с телевизионным сигналом прямо на телеприемник, тот свершит революцию в постановке всего дела пропаганды, агитации, художественного вещания и пр.пр. И не только. Свершит революцию в умах.

У меня есть договоренность с А.А.Громыко (министром иностранных дел) начать дискуссии в соответствующих комитетах ООН и ЮНЕСКО о недопущении такого рода вещания вне рамок международных соглашений.

- Да, дело серьезное, - заметил Королев. - Надо подумать. Помимо международных дискуссий нам, у себя дома, надо предпринимать действенные меры. Я подумаю, посоветуюсь со своими коллегами по работе.

Я поблагодарил, думая, что на этом разговор можно закончить. Однако Сергей Павлович продолжил, что недели через две он позвонит мне. И действительно, как и обещал, через пару недель позвонил и сообщил, что им сделаны некоторые наброски по обсуждаемой нами при прошлой встрече теме. «Попросите своего помощника, пусть подъедет ко мне, заберет мою записку. Вы ознакомитесь, а затем еще раз обсудим ее содержание». Да, подумал я, при той колоссальной нагрузке, которую он выдерживает, у него еще находятся силы и время обдумывать, помогать. Так может поступать человек дела.

Приезжает от Королева мой помощник Захар Асоян и с порога с восторгом рассказывает мне, как просто, по-товарищески принял его Королев, расспросил о жите-бытье, показал модели космических устройств, совершивших или совершающих свой долгий путь в космосе, коротко рассказал о содержании передаваемой мне записки.

В ней, написанной на четырех листочках в клеточку из ученической тетради, была изложена схема возможного запуска трех искусственных спутников связи, которые покроют телевизионным сигналом практически весь земной шар. Указывались места запуска, необходимые для этого мощности, содержались характеристики орбит и другие данные. Записка была настолько ясно составлена, что вхождение в ее содержание не потребовало особого труда. Я поблагодарил Сергея Павловича за оказанную помощь и попросил его согласия сослаться на него при докладе в ЦК КПСС о перспективах развития телевидения через искусственные спутники связи. (Записка С.П.Королева находится в архиве Гостелерадио СССР.)

Летом 1965 года случилось так, что С.П.Королев, Ю.А.Гагарин и я оказались вместе на отдыхе в Крыму, в Ялте. Была та чудесная пора, когда к вечеру жара спадала, с гор к морю скатывался свежий горный воздух, а тишина приближающейся ночи располагала к раздумьям. Мы много купались. Подбегает как-то ко мне на пляже мой младший сын Алеша и говорит: «Папа, дядя Юра (Гагарин) испугался прыгнуть с пятиметровой вышки, а я прыгнул». - «Да, но он не испугался прыгнуть первым из людей в космос».

Королев и его «Комиссар» (охрана) заплывали далеко в море. Глядя на них с берега, трудно было отличить, кто из них кто. Да и на берегу их можно было попутать - оба коренастые, с круглыми, коротко остриженными головами, в одинаковых салатного (или другого) цвета рубашках с короткими рукавами, светлых брюках и летних туфлях.

Будучи на пляже, прогуливаясь по прибрежному парку, мы не вели деловых разговоров. Шел обычный товарищеский обмен мнениями, перескакивавший с одной темы на другую. Было легко, свободно, приятно. В товарищеской компании этих двух людей - одного знал весь мир, а другого, который породил знаменитость первого, знал сравнительно узкий круг людей. Я чувствовал близость между ними. Без какого-либо превосходства одного над другим. Хотя в дружбе - при всем равенстве отношений - все же есть ведомый и ведущий.

Конечно, Юрий Гагарин относился к Сергею Павловичу Королеву с глубочайшим уважением и почтением. Но в их отношениях не было ничего от подхалимажа, заискивания. Они, казалось мне, в силу своего земного благородства и космической близости были выше этих низменных свойств людских характеров, что подтвердилось и на встрече Юрия Гагарина с ребятами, отдыхающими во Всесоюзном пионерском лагере «Артек».

На эту встречу были приглашены также Королев и я с семьями. Гагарина встречали оркестры, цветы, ребячье «ура», а Королев шел, как остальные приглашенные гости. Шел неизвестный виновник триумфа Гагарина. Сидели мы вместе с Сергеем Павловичем и на лице его, и в словах его не промелькнуло даже тени некоего душевного неравновесия пока чувствовали Юрия Алексеевича.

Вечерело. Море отсвечивало последними лучами солнца, а затем на небе рассыпались мириады звезд. Глядя на небо, я спросил Сергея Павловича, есть ли где-то в этой космической бездне миры, подобные нашему. Непременно! Далеко, но есть. Мы и туда доедем». Сказал он спокойно, для меня одного. Однако в душе моей эти его обыденные, сказанные безо всякой натяжки слова отозвались мощным набатом безграничных возможностей человеческого разума, ибо произнес их сам Разум.

С.П.Королев и Ю.А.Гагарин - люди разных поколений. И оба - не моего поколения. Но я чувствовал, что между ними крепкая связь. Глядя на них обоих, я гордился ими - сынами Страны Советов, вобравшими в себя все лучшее, что было во всех поколениях народа нашей социалистической многонациональной Родины. Королев - человек, который был твердо уверен, что все зависит от него самого. Объективные обстоятельства могут ускорить или затормозить продвижение к намеченной высокой цели, но не могут изменить само направление движения, считал он. Так поступал и Юрий Гагарин. Думаю, что молодым людям надо учиться у Королева и Гагарина умению формировать свой характер, соединять свои жизненные устремления с велением времени и волей народа.

В конце декабря 1965 года состоялась моя последняя встреча с Королевым. Меня положили в больницу на операцию - несложную, неопасную. Там же, в соседней палате, оказался Сергей Павлович, который проходил обследование. Врачи должны были решить, делать ему операцию на прямой кишке или все обойдется без хирургического вмешательства. Настроение у него было вполне удовлетворительное. Мы вместе гуляли по коридору, засиживались за разговорами в палатах. Мне сделали операцию. Перед уходом из больницы (это на улице Грановского) зашел к Сергею Павловичу. Он тоже решил выписаться, а после Нового года вернуться и сделать операцию, которая, как ему сказали врачи, не должна вызвать особых сложностей. Мы пожелали друг другу здоровья и счастья в наступающем 1966 году.

Вскоре после Нового года Сергей Павлович Королев скончался на операционном столе...

В 1969 году телевидение и радио повели большую работу в связи со 100-летием со дня рождения В.И.Ленина. На Всесоюзном радио - передачи «Мыслитель и революционер», «Годы великой жизни», в программах ЦТ - «Твоя Ленинская библиотека», «Ум, честь и совесть нашей эпохи». «В.И.Ленин. Хроника жизни и деятельности». Тогда же режиссер В.Пчелкин по сценарию М.Шатрова приступил к созданию серии фильмов под условным названием «Воздух Совнаркома».

Помимо ленинской тематики в эфире открывались другие новые страницы.

На Центральном телевидении состоялось первое занятие «Народного университета». На одном из его факультетов изучались проблемы науки и техники, на другом - этики, эстетики, литературы и искусства. К звуковому журналу «Кругозор» было сделано приложение - звуковой журнал «Колобок», адресованный детям дошкольного и младшего школьного возраста. В конце года в эфире прозвучали позывные «Сельской радиостанции», которая объединила все передачи, предназначенные для жителей деревни. Тогда же начался всесоюзный «Радиофестиваль республик советских», посвященный 100-летию со дня рождения В.И.Ленина.

По своим масштабам - по количеству часов звучания и по числу участников - радиофестиваль был самым значительным по сравнению с предшествовавшими ему радиофестивалями.

...Время не шло, а мчалось: с утра до позднего вечера, зачастую без выходных дней. В 1969 году минуло пять лет работы на посту Председателя комитета по радиовещанию и телевидению. Они принесли мне, в конечном счете, ощущение радости от своей полезности, нужности людям - я это чувствовал. Я полюбил и радио, и телевидение. Сроднился с их коллективами. Чувствовал я и другое.

ХРОНИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ. «ЛЕТОПИСЬ ПОЛУВЕКА». ПАМЯТИ ПАВШИХ - «МИНУТА МОЛЧАНИЯ»

Где-то с середины 1969 года я стал примечать, что над моею головою сгущаются тучи - того гляди, засверкает молния и грянет гром. Я понимал, в чем причины изменения «погоды». Они исходили

«сверху», от делающих «большую» политику при активном пособничестве подпевал из кругов пониже, но кусающих злее, даже с остервенением, дабы наверху подороже оценивали карьерное раболепие.

Мой демократизм, проявляющийся не только в отношениях с коллегами, независимо от их положения, на работе и вне ее, собственные оценки и суждения по поводу положения дел в партии, государстве и обществе, а главное - нетерпимость к созданию нового культа личности из персоны Брежнева не оставались незамеченными. Да я их особенно и не скрывал.

На заседаниях коллегии Комитета, летучках, научных конференциях, в выступлениях на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях я постоянно проводил мысль о свободе творчества в рамках социалистической идеологии. Я не уставал доводить до сознания своих товарищей, и в рамках Комитета и вне его, мысль о том, что радио и телевидение - это «не придворная служба» у кого-то или при ком-то, а глас народа, выразитель его дум и чаяний и вместе с тем - его просветитель. Не раз и не два мне приходилось поправлять тех, кто склонялся (сознательно или в силу привычки) к преувеличениям в показе и восхвалениям в рассказе об одной личности или узкой группе лиц, в репортажах о крупных общественных или повседневных событиях, в информационных передачах. В ходе трансляций, например, демонстраций с Красной площади или торжественных заседаний по тому или иному поводу приходилось вмешиваться, чтобы телевизионный оператор и режиссер не держали на экране подолгу и часто фигуру Генсека или кого-то из ближайшего его окружения, а давали широкую панораму народного шествия или участия рабочих, ученых, крестьян, учащихся в тех или иных общественных событиях и т.д. и т.п. Подобные мои вмешательства, конечно, становились известными в «верхах» и вызвали соответствующую реакцию. Но поступать иначе я не мог.

Демократизм телевидения и радио, по моему глубокому убеждению, состоит в служении человеку труда, раскрытии его нравственной красоты, устремленности к возвышенной, благородной цели, в нахождении с ним - Человеком - постоянной взаимосвязи, а через него - со всем народом, его социальными слоями, этносами, поколениями и т.д., и т.п.

Критическое отношение ко мне росло. Я не только стал чувствовать его в будничной работе, но оно стало проявляться в действиях по отношению ко мне Брежнева, Суслова, Кириленко и их приспешников...

Однажды, где-то в середине 1969 года, в эфир по учебной программе прошел сюжет о том, как кинорежиссер Марк Донской репетирует с актером, исполняющим роль Владимира Ильича Ленина (он был в гриме) - очередные кадры будущего фильма. Донской в ходе работы объясняет актеру, что и как делать, где входить и когда выходить, обнимает актера за плечи и т.д. Яковлев от имени отдела пропаганды и агитации внес в секретариат ЦК КПСС записку о том, что показанный по ЦТ сюжет является грубой политической ошибкой, ибо содержащееся в нем принижает Ленина, низводит его до ученика, который выслушивает разного рода поучения и т.п. В проекте постановления содержалась та же политическая квалификация сюжета и предлагалось объявить по выговору мне и моему заму по телевидению Георгию Иванову. Вел секретариат Суслов. Никто из его состава против галиматии в записке Яковлева не выступил. Наши с Георгием Ивановым категорические возражения во внимание приняты не были. Из атмосферы, которая сложилась на секретариате ЦК вокруг меня, я понял, что меня начинают «раскачивать», вышибать из-под ног почву уверенности в работе. Мне и Иванову секретариат ЦК КПСС объявил по выговору за ослабление контроля над деятельностью Центрального телевидения.

Второй факт. Примерно тогда же под руководством Яковлева, о чем мне стало известно, была затеяна при поддержке Суслова проверка работы Комитета по подбору, расстановке и воспитанию кадров. Была сформирована бригада проверяющих, в составе которой было около восьмидесяти человек. И все это в тот период, когда шли сдача в эксплуатацию Общесоюзного телецентра, его освоение, открытие новых программ и передач... Проверяли долго. Копали глубоко. Подготовили справку по итогам проверки. Ознакомили с ней меня. (Прочитал в агитпроме ЦК, с собой не дали.) В ней фактически охаивалась вся работа коллегии Комитета, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций по подбору, расстановке и воспитанию кадров. Ознакомившись с этим пасквилом, я позвонил Суслову и сказал, что в записке Отдела пропаганды факты подобраны тенденциозно, а оценки грубо искажают положение вещей в работе с кадрами и могут противопоставить Центральный Комитет КПСС многотысячному коллективу работников телевидения и радио. Как коммунист, кандидат в члены ЦК партии, говорил я Суслову, приму все меры к тому, чтобы этого не случилось. Мне дорог авторитет

Центрального Комитета, дорога и напряженная работа, которая ведется здоровым и дружным многонациональным коллективом радио и телевидения. На этом разговоре вся история с проверкой была закончена, оставив, наверное, лишь след в головах ее организаторов и вдохновителей. Уколы в мой адрес на этом, конечно, не закончились. Я продолжал работать как ни в чем не бывало, внешне делая вид, что не замечаю происходящего вокруг меня. Силы мне придавали отношение ко мне в коллективе телевидения и радио, удовлетворение от свершаемых в массовом вещании новых дел. Однако меня хотя и изредка, стали посещать мысли об отходе от активной работы в государственных и общественных организациях.

В 60-х - начале 70-х годов я вел большую общественную работу: был избран секретарем Союза журналистов СССР, членом Президиума профсоюза работников культуры, членом Президиума Союза обществ дружбы с зарубежными странами, членом Комитета по Ленинским и государственным премиям, заместителем Председателя общества СССР – Куба и др. Эти думы порой разрывали меня на части, я подолгу не мог справиться с ними, придти в норму. Мне было до боли обидно, что в угоду личным амбициям стоящих на самых верхних этажах власти во мне глушится искренняя потребность служения людям, гаснут душевные силы, иссушается разум. Но воля, закаленная в различных жизненных передрыгах, и прежде всего - фронтовая закалка удерживали меня от крайностей. Воля питалась надеждами на то, что мое поколение не может уйти со сцены истории страны, не оставив в ней своего благородного следа. И я как один из его представителей, выдвинутый волею судеб на видное место в общественно-государственной практике, не мог, не имел нравственного права на такой уход. По ночам, раздумывая над происходящим вокруг меня и моих сверстников, расценивал добровольную сдачу позиций, как предательство своего поколения.

Может быть, я ошибался, но так я думал. Думал потому, что со многим, что происходило в руководстве партии, государства и общества, я был не согласен. Во мне словно росла оппозиция к стилю и методам руководства партией, государством, страной. Вместо демократизации - бюрократизация. Выпячивание, раздувание фигуры одного взамен коллегиальности в руководстве. Выдвижение к руководству в партии и государстве подхалимов и угодников. Ликвидаторство практических стремлений Косыгина к обновлению форм хозяйствования. И, может быть, самое главное - недооценка Брежневым (вследствие недостаточного интеллекта) открывшихся благодаря достижениям научно-технической революции возможностей модернизации на новой научно-технической базе всего общественного производства, а вместе с ней - формирования более развитых социалистических производственных отношений, в результате чего возникает необходимость демократизации всей жизни советских людей.

Мое внутреннее несогласие не выливалось в открытый публичный протест. Оно не шло дальше обсуждений среди друзей. Но оно, естественно, проявлялось в моих практических делах. Я не мог «двоить», предавать свои идеалы. И люди знали, что пятидесятисерийный фильм «Летопись полувека» стал гимном победам и свершениям поколений. Он восставал против надвигающейся стагнации советского общества, призывал к новым свершениям (по примеру предшественников и современных творцов).

Несмотря на складывающуюся обстановку, я вместе с коллективом продолжал трудиться, может быть, даже с большим душевным подъемом и прежде всего - над передачей «Минута молчания».

«Минута молчания» с великой скорбью и величайшей гордостью призвана была пропеть гимн Народу-Победителю. Такие передачи могли рождаться только в коллективе, способном на творческие дерзания, на свое собственное видение и осмысление дней минувших или встающих. И вместе с тем они характеризуют стиль работы коллектива и председателя. Вот что рассказывает о создании «Минуты молчания» одна из ее авторов Ирана Дмитриевна Казакова, чей журналистский талант так много привнес в эту и другие работы на радио и телевидении. Я воспроизвожу ее повествование почти безо всякой правки. Ирана Дмитриевна пишет:

- А было все так. В феврале 1965 года меня вызвал Главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков и, сославшись на поручение коллегии Комитета, сказал: «Подумайте, чем ознаменовать 20-летие Победы». И я пошла бродить по коридорам Шаболовского телецентра. Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре,

предложил уволить за «безделие». Но идея пришла именно в момент такого безделия. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо в рукописном варианте понес сценарий Председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал Н.Н.Месяцев и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Мы со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, писали текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении. Нужно сказать, что в этой передаче все накапливалось по капельке, по золотой крупиночке.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в 9 утра мы были в кабинете Председателя Комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, сам брал ручку в ручку и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это была действительно «в грамм - добыча, в тонны руды».

Часто в работе принимали участие члены коллегии Комитета.

Хорошо помню за столом Энвера Назимовича Мамедова, Алексея Архиповича Рапохина, Георгия Александровича Иванова.

Передача рождалась мучительно. Степени ответственности и нашей внутренней приподнятости были столь велики, что мы в дни работы ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались. На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала, конечно же, Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Она, как эллинская богиня, если к чему-либо прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире - дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту молчания в эфире воплести перезвон Кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра. И не просто перезвон, а вызвоненную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он не писался. Выковывался. Страничка с небольшим литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела, опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, - спросила Екатерина Тарханова, - ты можешь молиться?». «Не знаю, - ответила Енютина, - давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Его и стали накладывать на готовую фонограмму.

Голос Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» - Тревожно торжественные звуки метронома приковывали внимание. - «Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грез» Шумана.

«Товарищи! - сказала Енютина так, что сердце упало. - Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» Звучала молитва, и если человек шел, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Еще не отзвучали последние аккорды передачи, как я услышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас,

плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц. Это были святые слезы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И, конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное - сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссер телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссера не выходили из кинопроекторной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатленные фронтовыми кинооператорами. Горы пленок. Снова «в грамм-добыча, в тонны руды».

Наконец смонтировали 17 с половиной минут изображения - именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять пленку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовет». Пригласили актрису, одели во все черное. Она стала читать текст, и это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего не удавалось. Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на телестудии и мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечного огня в Москве тогда не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на пленку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения – одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К черту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали все - все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для «Минуты молчания», как откликнулся каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке - студии «Б» соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись - ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь. Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и завороченно смотрели на живое пламя. Мы понимали, что точнее изображения не придумаешь, потому что огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнем в волнующее до глубины души триединство.

Режиссер Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на кинопленку, сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела...

Близилось 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссер проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собрались руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссер, ассистент режиссера, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссера нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова - ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грез» Шумана в кадре во весь экран запылал огонь. Величественный и негасимый, он бился, как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...» Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!». Мгновенно заработала кинопроекторная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись - огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссер заметила это и успела дать команду включить кинопленку. В

кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнем по-пластунски полз помощник режиссера, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» - сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далекой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой»... И снова мертвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды остановили эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы все не отрывались от огня, каждый, уже думая о своем, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели, опустив головы. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» - прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Все началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошел ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете, что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице «Советская». Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал - позывные колокольчики. Танкисты встали. И 17 с половиной минут стояли, не шелохнувшись. Эти закаленные боями люди, не знавшие слез, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая желтенькая почтовая открытка. На ней размашисто - адрес: Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо. Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу.

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти павших - «Минута молчания». За эти годы много ударов пришлось на долю этой передачи.

Вскоре после того, как расправились с Николаем Николаевичем Месяцевым и освободили его от работы в Госкомитете по радиовещанию и телевидению, мне пришлось встать на защиту нашей передачи. Незадолго до 9 мая новый Председатель Комитета Сергей Георгиевич Лапин приехал на Шаболовку принимать «Минуту молчания». Можно было подумать, что народ еще не вынес своего суждения об этом ритуале или Лапин не видел в эфире «Минуты молчания». Снова студия «Б», снова в ее холле собрался весь руководящий состав телевидения. Из представителей авторского коллектива оказалась почему-то я одна. Закончился просмотр, и воцарилась тишина. Все повернулись в мою сторону. Должна сказать, что в ту пору в Москве уже зажгли Вечный огонь. Он был снят на пленку, и передача, утратив великий эффект сиюминутности действия, шла в киноварианте. И так, я осталась один на один с Лапиным. Его почему-то все страшно боялись.

Пауза длилась долго. Наконец Лапин сказал: «Но ведь минуты молчания у вас нет. У вас звучат колокола, какое же здесь молчание?» Я чуть не взревела, взяла себя в руки и четко сказала: «Вы старый радист, вы же понимаете, что минутное молчание в эфире - это дыра. Колокола только усиливают драматизм этой минуты». Снова пауза. «Пожалуй, вы правы, - изрекает Председатель. - А почему так долго звучит музыкальная концовка передачи?» - спрашивает он. - «А потому, что людей надо вывести из состояния печали. 9 мая ведь праздник. Люди, почтив память погибших, остаются наедине со своим сердцем. Музыка, да такая, какая звучит в передаче, помогает им в этом». «Наедине с чем, с чем?» - переспрашивает Лапин. «Со своим сердцем», - резко отвечаю я. «Пожалуй, вы правы, - говорит Лапин. - Ну а вот у вас нет в передаче никакого обращения к нынешней молодежи, - продолжает Председатель. - В будущем вы посмотрите и добавьте это». Лапин сделал самое страшное, он одобрил передачу, но в умы руководителей впустил бациллу перекройки «Минуты молчания». И началось...

Первый удар был почти смертельным. Эмигрировала за границу Вера Енютина. Ее голос с магнитной пленки исчез мгновенно. Текст молитвы попросили прочитать Юрия Левитана. При всем нашем преклонении перед голосом Юрия Левитана мы понимали, да и он сам понимал, что для молитвы

его голос не подходит. Но надо было выполнять указание. Когда умер этот великий диктор, «Минута молчания» перешла к Игорю Кириллову.

Но главное - замахнулись на текст. Попробуйте изменить хоть слово в молитве последних оптинских старцев. Невозможно. С первой же советской молитвой можно было делать все. У нового Главного редактора редакции информации Юрия Летунова чесались руки по поводу «Минуты молчания». Он не мог пережить своей непричастности к чему-либо значительному на телевидении. Он вызвал вездесущих журналистов Галину Шергову и Евгения Синицына. Началась перекройка текста. Естественно, появился фрагмент, связанный с Малой землей. Его писала Шергова. В тексте Синицына мне запомнились колоски пшеницы, которые хранят память о павших. Ритуал приобрел всю ту кондовость, которая так была по сердцу во времена Леонида Ильича Брежнева. Со смертью Брежнева исчез лишь фрагмент с Малой землей. Все остальное осталось. Так и читает до сего дня «Минуту молчания» Игорь Кириллов.

Творчество ушло... Самое трогательное было в тот момент, когда открыла только что вышедший в свет первый том Военной энциклопедии. Читаю: «Минута молчания» - радиотелевизионный ритуал памяти павших в Великой Отечественной войне. Авторы: Г. Шергова, Е. Синицын... И я вспоминаю тех, кто был в строю у этой передачи: фронтовик Н. Месяцев, фронтовик А. Ревенко, фронтовик А. Хазанов, режиссер фронтового театра Екатерина Тарханова, дети войны - Светлана Володина, первые воспоминания которой были связаны с фашистской тюрьмой, куда она попала с матерью, военным хирургом. Наталья Левицкая и десятки людей разных поколений: музыкальные редакторы, ассистенты режиссера, помощники режиссера, кино- и телеоператоры, декораторы, художники, рабочие студии - все те, кто пережил и помнил и фронтовые дороги, и голодные дни, и холодные ночи тыла, и совсем молодые, чье трепетное отношение к памяти павших вошло незримо в нашу передачу. «Минута молчания» - плод вдохновенных усилий большого коллектива работников радио и телевидения. И гордость большого коллектива.

Пока торжествует ложь. Может быть, пришло время вернуть людям первую советскую молитву памяти павших в Великой Отечественной войне? А автором передачи назвать коллектив радио и телевидения?».

К тому, о чем писала И. Казакова, добавлю от себя. И тогда, когда создавалась «Минута молчания», и после, когда слушал ее в эфире, в душе моей больно вставало пережитое на дорогах войны, а в голове постоянно билась мысль: сколько надежд, мечтаний о будущем, раскаяний, верований, любви и счастья в грядущем, сколько полных сил, способностей, талантов унесла война вместе с павшими на огромных ее просторах! И все это, думал я, должны, обязаны взвалить на свои плечи мы, оставшиеся в живых. Оставить как святой долг перед невернувшимися с полей сражений. И не только мы, но и грядущие поколения. Несмотря ни на что, вопреки историческим социальным изломам.

Так было. Рассказы о творческих успехах в коллективе радиотелевизионных журналистов можно продолжить. Сколько прекрасных творений прошло в эфир! Может быть, когда-нибудь кто-то из грядущих поколений издаст звуковидеоантологию прекрасных творений, рожденных умом и сердцем сотен и сотен товарищей с Пятницкой, Шаболовки, Останкино.

Большой проблемой отечественного массового вещания являлась необходимость опережения западных вещательных станций в подаче информации.

То, что «Би-би-си», «Немецкая волна» и др. опережают нас в подаче событийной информации, постоянно «висело» надо мною как укор в беспомощности. Действительно, нередко именно эти радиовещательные станции опережали нас в подаче новостей дня. На минуту, на час, но опережали. Почему? Как правило, потому, что по заведенному у нас «наверху» порядку, некоторые виды внутренней и внешнеполитической информации могли выходить в эфир только после ее одобрения в секретариате ЦК партии. Естественно, на это требовалось время, иногда немалое.

Дабы избежать подобных проволочек, в разговорах с членами Политбюро ЦК Суловым, Кириленко я предлагал предоставить мне как Председателю право на самостоятельное решение. Дабы облегчить принятие товарищами из Политбюро желаемого решения, я убеждал их в том, что любая информация как бы делится на две части: первая - это подача самого факта, вторая, идущая следом за первой, не обязательно сразу, комментирует этот факт, т.е. у высших инстанций после того, как я

выпускаю (немедленно) факт в эфир, есть время, чтобы сказать, дать указание, как именно желательно прокомментировать этот факт. Но, к сожалению, мои просьбы и аргументы в расчет не принимались, дело информации по-прежнему страдало. Вместо того чтобы опережением информации заставлять другие радиовещательные корпорации идти вслед за нами, у нас предпринималось «глушение» некоторых западных радиостанций специально установленными в этих целях приспособлениями. Наиболее рьяным «глушителем» был член Политбюро, секретарь ЦК партии Кириленко. Простая арифметика и та не могла его убедить: для того, чтобы заглушить один киловатт мощности «нежелательной» радиостанции, надо затратить шесть киловатт, а чтобы заглушить «нежелательных» по всей стране, не хватит никаких имеющихся в распоряжении нашего Министерства связи мощностей.

Свои поездки в Англию, Францию, Италию, Японию и другие страны я, естественно, использовал для изучения опыта организации радиотелевизионного вещания в этих странах и в том числе - постановки информации. В ряду других меня очень интересовал вопрос о свободе радиотелевизионных журналистов в подаче информации, степени их зависимости от правительственных верхов, о чем так много и шумно говорилось на Западе. Конечно, из моих источников я знал об ограниченности этой свободы, но мне хотелось услышать об этом, что называется, из первых уст.

Как-то, в один из дней пребывания в Лондоне, на «Би-би-си» я попросил его Генерального директора сэра Хью Грина (родного брата известного у нас писателя Э.Грина) предоставить мне возможность побывать в русской редакции и побеседовать с ее ведущими журналистами. (Ранее, будучи в Москве, Хью имел возможность встретиться с нашими журналистами, ведущими вещание на Англию.) В ходе беседы я спросил: «Насколько свободны вы, сотрудники русской службы Би-би-си, от властей в своих информациях и комментариях на Советский Союз?» Посыпались однозначные ответы: «Свободны», «Свободны». Тогда я тот же самый вопрос обратил к известному комментатору Борису Максимовичу Гольдбергу. Долго не раздумывая, он сказал, что «все свои более или менее значительные комментарии он строит на основе рекомендаций Министерства иностранных дел и других высших эшелонов власти». Однозначные ответы своих коллег Борис Максимович объяснил неточностью перевода моего вопроса с русского языка на английский. «В освещении проблем большой политики, - говорил Гольдберг, - я не могу быть самостоятельным. Я выполняю волю власти из ее высшего эшелона». Я поблагодарил Гольдберга за прямоту и откровенность. Хью Грин, слушая ответы Гольдберга, в знак согласия кивал своей большой головой, увитой венцом огненно-рыжих кудрей. Он предложил мне пройти в радиостудию, откуда в это время шла передача на нашу страну, заметив при этом, что в содержании передачи сейчас нет ничего такого, что могло бы задеть мою честь как советского человека. В студии диктор Милуков, племянник известного дореволюционного государственного деятеля, читал текст. Мне захотелось подойти к стоящему перед ним микрофону и что-нибудь сказать своим, там, на Пятницкой в Москве... Сказать озорное, бодрое, веселое...

ВРЕМЯ ОТКРОВЕНИЙ. КАК МЕНЯ «УШЛИ»

Меня часто спрашивают, кто мной руководил. Полагаю, что ответ на вопрос читатель уже нашел в моем повествовании.

Но суть ответа заключается в моем собственном, личном понимании моей роли руководителя - Председателя, возглавляющего целую самостоятельную отрасль государственного (общенародного) механизма, которым являлось телерадиовещание в нашей огромной многонациональной стране, и общественная роль которых постоянно возрастала в повседневной жизни всех без исключения социальных слоев и этносов, в формировании мировоззренческих взглядов, выработке нравственных устоев, утверждении интересов и их реализации в практических действиях и особенно у детей и молодежи.

И потому в своей работе я руководствовался социально-политическими и нравственными потребностями поступательного развития Отчизны, как сообщества социальной справедливости, в котором главным (во всех его взаимосвязях) является Человек. Именно его жизненным интересам должно быть подчинено все и вся - и в этом состоит главная служебная роль Государства и в том числе массового телерадиовещания. Это во-первых. Во-вторых, я исходил из здоровых запросов телезрителей и радиослушателей, постоянно раздумывая, анализируя их письма, рекомендации общественных организаций, в том числе объединений творческой и научно-технической интеллигенции. В-третьих,

стремился способствовать подготовке и выходу в эфир творческих задумок сотрудников как в центре, так и на местах (в союзных и автономных республиках, краях и областях), опираясь при этом на мнение коллегии Комитета. И наконец (и, конечно, не в последнюю очередь), всеми возможными путями, средствами, методами создавал обстановку демократичного подхода к любой проблеме, любому делу, уважительного, товарищеского, доверительного отношения друг к другу, взаимопомощи, творческой смелости. Под прессом страха творить нельзя, можно лишь сочинять ремесленнические подделки.

Вглядываясь в прошлое, думаю, что меня понимали и поддерживали в многотысячных коллективах радио и телевидения. И не только в вещательных редакциях, но и в других службах Комитета. Понимал меня и Петр Нилович Демичев, секретарь ЦК КПСС по идеологии. Он много помогал мне в работе. Оказывал всяческую поддержку развитию массового вещания в стране, гасил всякие нашептывания некоторых работников аппарата ЦК партии - перестраховщиков - в адрес коллектива Комитета и его отдельных представителей, чем способствовал развитию смелого подхода к решению творческих задач, без чего творчество превращается в худший вид ремесла.

Удары, которые обрушивались на меня, я не переносил на коллектив, защищал товарищей. Единожды я спасовал, когда освободили руководителя Ленинградского телевидения Бориса Фирсова (оказав помощь в его устремлениях впоследствии). Какого же рода были эти удары, свидетельствующие о расширении наблюдений за мною цензурного ока и усилении репрессалий?

Так, например, где-то на исходе 1968 года, нами (по мнению многих) было создано уникальное издание - журнал «РТ» (Радио-Телевидение). Он был большого, необычного для нашего читателя, формата, издавался в цвете на отличной бумаге и благодаря превосходному художнику Н. Литвинову выглядел очень красиво - сам «прилипал» к рукам читателя. Кстати, за оформление журнал получил премию, кажется, в Италии. Вскоре Суслов с подачи А. Яковлева сделал мне замечание: «Не бережете бумагу - «воздуха» много» (журнальные полосы не закрыты полностью текстом). Но я понимал, что дело было не в «воздухе», а в содержании публикуемых статей. В «РТ» нам удалось собрать хороших журналистов.

Главным редактором был Борис Войтехов - журналист, драматург, отсидевший после войны в лагерях по подозрению в шпионаже, а в молодости редактировавший молодежный журнал «Смена». Отделом искусств заведовал А. Золотов, отделом литературы - Ю. Рощин. Работали Л. Лиходеев, В. Моев, А. Васинский, И. Саркисян. Даже сейчас, спустя почти более четверти века, номера журнала выглядят свежо, достойно. Стоит только перечитать материалы о демократии, о роли и месте радио и телевидения в социалистическом обществе, публикации В. Хлебникова, И. Бабея и многое другое. Номер, в котором были размышления А. Стреляного по поводу книги «Что такое колхоз», стал последним. По указанию Суслова вместо журнала «РТ» в том виде стал издаваться «серенький» журнал - программа телепередач.

Или еще пример. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина мы запустили в производство четырехсерийный фильм «Штрихи к портрету» по сценарию драматурга М. Шатрова (режиссер Л. Пчелкин). Все четыре сценария фильма (впрочем, как и все другие по важным и острым темам) я прочитал и свои пожелания и замечания высказал М. Шатрову. Михаила Филипповича Шатрова я знал давно. Еще работая в Цекамолле, я был свидетелем появления на свет его первого драматургического дитяти «Рожденные революцией». Внимательно наблюдая за писательской деятельностью Михаила Филипповича, я радовался его творческим успехам. Всякий раз вместе с женой бывая на премьерах его спектаклей, ощущал, как вселяют его пьесы в сердца зрителей чувства оптимизма, веры в революционный потенциал нашего народа, нетерпимости к мещанству со всеми его атрибутами. Во времена Брежнева почти все пьесы Шатрова вызывали в верхах настороженное отношение, ибо они своим духом демократизма противостояли тщеславию, эгоизму, корысти. Я, как мог, защищал Шатрова везде, где нужно. И, как мог, вселял в него чувства бодрости и веры в правильность того творческого пути, которым он шел в те (50-е - начало 70-х) годы. А тучи над ним иногда сгущались до черноты, неприязнь к нему выливалась в угрозу исключения из рядов КПСС.

Четырехсерийный фильм «Штрихи к портрету» всем своим содержанием (особенно серия «Воздух Совнаркома») восставал против партийного чванства, рутины, бездумья, самолюбования - того, что все больше и больше начинало тревожить думающих и болеющих за Родину людей. Сила эмоционального воздействия шла от превосходной игры Михаила Ульянова в роли В.И.Ленина - во

всяком случае, так мне казалось. Не от внешнего сходства, а от глубокого понимания и раскрытия сущности ленинской природы как человека, мыслителя, революционера. Фильм «Штрихи к портрету» я показал руководству - одобрения он не получил. В моей судьбе этот фильм сыграл, наверное, роль той самой последней капли, которая перевесила чашу терпения в сторону моего перемещения из Комитета по радиовещанию и телевидению.

Примерно в таком состоянии я встретил 1970-й год.

Удары ударами, но свое дело я продолжал. В эфире по-прежнему появлялись новые теле- и радиопередачи. С 11 января по 19 апреля ЦТ в содружестве со студиями союзных республик провело телефестиваль, в ходе которого была широко показана жизнь страны. Тогда же прошел Всесоюзный фестиваль телевизионных фильмов в Ульяновске. А на радио юные слушатели познакомились с новой передачей из цикла «В стране Литературии». В феврале был начат международный радиоконкурс под названием «Моя встреча с В.И. Лениным», проводимый совместно с радиовещательными центрами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Монголии. В нем приняли участие около 17 тысяч человек из более чем ста стран мира. В апреле на Всесоюзном радио Маршал Советского Союза И.С.Конеv открыл студию «Орленок», в которой с ребятами встречались знаменитые люди Страны Советов. 9 мая Центральное телевидение в связи с 25-летием Победы над гитлеровской Германией провело переключку городов-героев.

Тема Великой Отечественной войны постоянно присутствовала в массовом вещании во всех его жанрах. Творцы всех видов искусства как бы вбирали в себя героизм советских людей в этой воистину Великой народной войне. Их талант, одухотворенный бессмертным Подвигом, откликнулся рождением шедевров, поднимающих величие человеческого духа, мысли и воли всякого из нас, кто к ним прикоснется.

Для меня одним из таких певцов Великой Отечественной войны был и остается наш русский писатель Константин Михайлович Симонов. Судьба не раз и не два перекрещивала наши пути-дороги. И каждый раз, чтобы ни случилось на этих перекрестках, я был рад встрече с ним. Много хотелось бы рассказать... Но, наверное, надо поднять из глубин памяти своей лишь то, что в какой-то мере, пусть даже самой малой, может пополнить то, что известно людям об этом красивом человеке. Жизнь не баловала его. За свою самостоятельность в оценке тех или иных явлений, событий нашей действительности он не раз попадал в опалу власть предержащих. Может быть, это и сблизало меня с ним, тянуло к нему. В конце 1965 - начале 1966 года как-то вдруг стало заметно, что имя Симонова исчезло со страниц печати, не появляется он и в эфире. Много работает? Поинтересовался, в чем дело. Глухая стена. Позвонил Константину Михайловичу и говорю: «Отберите свои лучшие последние стихи, бабахнем их по радио и телевидению». - «Ты за это такую нахлобучку получишь...» - «Ну, это мое дело». Дали в эфир. День проходит, два, три, неделя. Ничего не случилось. Звоню Симонову. Говорю: «Отнесите в «Литературку» и сошлитесь, что стихи прошли у нас на радио и телевидении». «Литературная газета» вслед за нами тоже напечатала. Стена умолчания вокруг Константина Михайловича была разрушена, что и порадовало очень.

По Симонову самая тяжелая должность на войне - солдатская. И это, конечно, сермяжная правда. Как-то в разговоре он заметил, что его не столько влечет тема войны, сколько люди войны: «Именно из-за любви к ним, одолевшим в неимоверно тяжелых условиях самого сильного врага, каким была фашистская Германия, мне хочется писать и рассказывать».

Думаю, что «Солдатские беседы» К.М. Симонова на Центральном телевидении и были плодом его бесконечной любви к людям войны. Когда он делился со мною своими задумками о создании телевизионного архива из бесед с солдатами, кавалерами орденов Славы всех трех степеней, которых уже осталось мало на Земле, а скоро и вовсе не будет, и последующие поколения советских людей не увидят и не услышат тех, кто грудью своею защитил Родину, спас потомков своих от рабства и гибели, предо мною проносилось увиденное и пережитое на войне. «Дорогой, милый, Большой Человек, любимый мой писатель, не сердись и не опускай свою седую голову долу. Я говорю не ради красного словца. Знайте, что властью, данной мне государством, я сделаю все, чтобы Вы осуществили свой благородный замысел». На Центральном телевидении мною была создана творческая группа в помощь Константину Михайловичу в том составе, которого он пожелал. Вскоре «Солдатские беседы» К.М.Симонова вышли в эфир, приковав к себе сердца миллионов советских людей. Пройдет много лет,

и 18 августа 1990 года газета «Правда» опубликует на своих страницах письмо Константина Михайловича Симонова ко мне по поводу «Солдатских бесед». К тому времени его уже не будет в живых. Прах К.М. Симонова, согласно его завещанию, будет развеян на Буйническом поле под Могилевом, неподалеку от обелиска того самого героического 388-го полка, о боях которого в июле 1941 года он писал в газете «Известия» с приложением фотографий разбитых немецких танков. Помните, полковник Серпилин в фильме «Живые и мертвые» показывает журналисту - капитану Синцову поле боя с уничтоженными вражескими танками? На большом валуне близ обелиска высечено: «Константин Симонов».

Однако пора ответить на поставленный вопрос о том, как я перестал быть Председателем.

История свидетельствует, что освобождение Н.С. Хрущева в 1964 было осуществлено в основном руками молодых, тех, кто к тому времени имел за плечами опыт Великой Отечественной, восстановления разрушенного войной народного хозяйства и с течением времени занял, благодаря своим способностям, известное руководящее положение в органах государственной власти и партийной структуре.

За время пребывания Л.И. Брежнева на посту Генерального эти «молодые» возмужали настолько, что утвердились в своих взглядах и позициях на положение в стране, о чем подчас, не стесняясь, говорили. Естественно, эти взгляды - необходимость перемен в стране в интересах ее дальнейшего развития - доходили до Брежнева и окружающего его стареющего руководства.

К концу 1969 года обстановка вокруг нас, так называемых «молодых», характеризовалась уже не скрытым или открытым по отношению к нам недоброжелательством Л.И. Брежнева и сколоченного им властвующего ядра, а сначала постепенным отстранением отдельных неугодных им лиц от активной деятельности, а затем - смещением многих и многих товарищей, которые в силу своих личных дарований и достоинств, и прежде всего бескорыстия, снискали искреннее уважение.

Дабы как-то оправдать это массовое смещение партийных и государственных работников, начавшееся сначала в Москве, а затем прокатившееся по всей стране, в ход были пущены разного рода измышления о «заговоре молодых», о «комсомольском путче» и т.п. Сначала убрали Н.Г. Егорычева с поста Первого секретаря Московского горкома КПСС после его критического выступления на Пленуме ЦК КПСС, затем В.Е. Семичастного - Председателя Комитета Государственной безопасности при СМ СССР, а затем пошли «косяками» и другие. И особенно широко коснулось это товарищей, которые в разные годы работали под руководством А.Н. Шелепина и В.Е. Семичастного в комсомоле.

История о том, как Брежнев и его сотоварищи по Политбюро, убрав «молодых», разрушили преемственность поколений, требует своего исследования и написания. Здесь это не к месту. Будущий историк, несомненно, придет к выводу: порушив эту преемственность, они обрекли страну на стагнацию, а затем другие, после них, довели страну до ее нынешнего состояния, обратив процесс исторического развития вспять, со всеми ныне очевидными всем последствиями...

В апреле 1970 года от обязанностей Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению был освобожден и я. Можно было бы описать, как это освобождение было обставлено. В беседе со мной, например, Брежнев хвалил меня за работу в Комитете, говорил, что назначение послом в Австралию - дело временное: надо укреплять «дипломатический фронт» и т.д. Но все это было очевидной фальшью, тем более, он знал, что жена у меня больна и ехать со мной не в состоянии. Отказал Брежнев мне и в моей просьбе оставить меня в Москве на преподавательской работе (мне не нужны были руководящие должности).

...Сидел я и смотрел на Леонида Ильича, который, поглядывая в окошко, покуривал сигарету. Все было ясно. Я тоже стал смотреть в окошко, на воркующих на подоконнике голубей... Беседа потеряла смысл. Судьба моя была предрешена. Попрощался я с Генсеком и вышел на улицу, окунул в яркий апрельский день, полный весенних запахов.

...Потом были прощания с родными, товарищами, многолюдные проводы на аэродроме в Шереметьево-2, откуда - на пятый континент, в Австралию. Отныне я - Чрезвычайный и Полномочный посол континента, как шутили друзья.

...Был день весенний, майский, и вся природа ликовала - поется в одной из песен. Вместе с женой Аллой Николаевной, старшим сыном Сашей и младшим Алешей поехали в родное Останкино, на «Седьмое небо». Родное потому, что мое детство и юность прошли среди останкинских дубрав, прудов,

лугов, мелких речушек. Ведь в тридцатые-сороковые годы Останкино было близким предместьем Москвы. Я, босоногий мальчишка, никогда не думал (а кто может знать свою судьбу?), что в этих местах буду участвовать, руководить строительством Общесоюзного телевизионного центра.

...«Седьмое небо» накручивало свои обороты. Внизу - телецентр, Шереметьевский дворец, парк, за ним - школа-детский дом в деревне Марфино, где я учился и с друзьями исходил все окрестности, а с другой стороны - Кремль, дом на Пятницкой, Шуховская башня. Кругом родная, милая, до боли близкая Москва, в которой живут друзья детства, юности, товарищи по войне, по работе. Москва сверкала своей неповторимой красотой.

В ней оставалось мое сердце, а в нем вмещались дорогие мне образы жены, детей, сестер, братьев, друзей и товарищей по пройденным в жизни путям и дорогам.

Самолет уносил меня за тридевять земель на неведомый пятый континент. А в мыслях, под гул моторов, грусть расставания перемеживалась с чувством благодарности к товарищам по работе на телевидении и радио, к ближайшим моим сподвижникам за понимание и поддержку. Каждый из моих заместителей (о всех хотелось бы сказать, но...) был настоящей личностью. Леонид Семенович Максаков вел в Комитете экономико-хозяйственные направления. Он был одним из крупных в стране строителей промышленных и других объектов. Безотказный в делах больших и малых. Добрый, внимательный к людям. Я был за ним как за каменной стеной. Ему принадлежит заслуга в сооружении Общесоюзного телецентра в Останкино. Георгий Александрович Иванов — заместитель по телевидению - свои глубокие знания в сфере искусства, недюжинные организаторские способности отдавал освоению возможностей телецентра в Останкино, завязыванию в творческий телевизионный процесс других студий в стране, созданию многопрограммного телевидения при одновременном повышении его качественного уровня и поисках новых форм и видов передач. Алексей Архипович Рапохин — образованный, настоящий русский интеллигент, умевший добрым словом и личным примером увлечь коллег на новые интересные свершения во Всесоюзном радиовещании, создать обстановку подлинного товарищества в коллективе. Был требователен, но справедлив. Энвер Назимович Мамедов по образованию и опыту работы журналист-международник. Возглавляя радиовещание на зарубежные страны, обеспечивал ознакомление радиослушателей почти на всех континентах Земли с внутренней жизнью нашей Родины, а также развенчивание различного рода измышлений, фальсификаций о жизни Советского народа, имевших место в других государствах.

Мои заместители и я работали дружно, с огоньком, демократично. В наших товарищеских спорах и дискуссиях находили наиболее эффективные творческие решения проблем, возникших в таком важном направлении государственной практики, как массовое телерадиовещание. У нас было правилом: «удары» за промахи в работе (а они в творчестве неизбежны) принимать на себя, не переносить их в коллективы и службы Комитета.

Прощайте, мои милые москвичи и все, кто на просторах страны нашей необъятной. До новых встреч! Поверьте, где бы я ни был, я всегда буду верен Отчизне, буду трудиться ради счастья своего народа, так думал я всегда.

Москва, октябрь 1999 г.